

1/2019

SLAVICA NITRIENSIS

SLAVICA NITRIENSIA

časopis pre výskum slovanských filológií

2019

SLAVICA NITRIENSIA

časopis pre výskum slovanských filológii

Hlavný redaktor: prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc. (Nitra, SR)

Redakčná rada: prof. Nikolaj F. Alefirenko, DrSc. (Belgorod, RF)
prof. PhDr. Juraj Dolník, DrSc. (Bratislava, SR)
doc. Dzmitry V. Dziatko, CSc. (Minsk, Bielorusko)
prof. PhDr. Anton Eliáš, CSc. (Bratislava, SR)
prof. Larisa P. Golikova, CSc. (Krasnodar, RF)
prof. PhDr. Michal Harpáň, CSc. (Nový Sad, Srbsko)
doc. PhDr. Mária Hricková, PhD. (Nitra, SR)
prof. PhDr. Jana Kesselová, CSc. (Prešov, SR)
prof. PhDr. Natália Korina, CSc. (Viedeň, Rakúsko)
prof. PaedDr. Zuzana Kováčová, PhD. (Nitra, SR)
prof. PaedDr. Ľubomír Kralčák, PhD. (Nitra, SR)
prof. Boris J. Norman, DrSc. (Minsk, Bielorusko)
prof. PhDr. Slavomír Ondrejovič, DrSc. (Bratislava, SR)
prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc. (Brno, ČR)
prof. PhDr. Jozef Sipko, PhD. (Prešov, SR)
doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc. (Olomouc, ČR)
prof. PhDr. Miloš Zelenka, DrSc. (České Budejovice, ČR)

Vydavateľ: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre
Tr. A. Hlinku 1, 94974 Nitra
IČO: 00157716

Adresa redakcie: Katedra rusistiky FF UKF, Štefánikova 67, 949 74 Nitra
krusistiky@ukf.sk
www.krus.ff.ukf.sk

Vychádza dvakrát do roka.
Ročník 8, 2019, 1
Toto číslo vyšlo v júni 2019.

Evidenčné číslo Ministerstva kultúry SR: EV 4625/12

ISSN 1338-7464

OBSAH / TABLE OF CONTENTS

ČLÁNKY / ARTICLES

- 4   *Zuzana Kováčová*: Egoprezentácia v sémantickej štruktúre nominácií času, dĺžky, objemu... ako výraz antropocentrizmu v jazyku
Egopresentation in Semantic Structure of Nominations of Time, Length, Volume... as an Expression of Anthropocentrism in Language
- 22   *Ján Gallo*: Koncept ega, egocentrizmus a jeho koncepcie z aspektu diachronie
Concept of Ego, Egocentrism and its Conceptions in the Aspect of Diachronia
- 34   *Олена Кумеда*: «Я є» як спосіб самоідентифікації Бога в тексті Священного Писання
«I am» as a Way of Self-identification of God in the Text of the Sacred Scripture
- 47   *Ольга Рудь*: Сполучуваність складних прикметників на позначення звукових якостей предметів з іменниками в українській поетичній мові ХХ століття
Compatibility of Compound Adjectives, Denoting the Sound Quality of Subject, with Nouns in Ukrainian poetic Speech of the 20th Century
- 55   *Екатерина Матюшенко*: Референціальний аспект описання події в сучасних медіатекстах (на матеріалі російських і англоязычних західних видань)
Referential Aspect of Event Description in Contemporary Mediatexts (in Russian and English-speaking Press)

RECENZIE / BOOK REVIEWS

- 66   Vyučovanie ruštiny opäť aktuálne v novej monografii L. Rozboudovej a J. Конєснєно *Современная дидактика русского языка как второго иностранного: языковые средства* (Ян Галло)

- 72   AUTORI ČÍSLA / AUTHORS

EGOPREZENTÁCIA V SÉMANTICKEJ ŠTRUKTÚRE NOMINÁCIÍ ČASU, DĹŽKY, OBJEMU... AKO VÝRAZ ANTROPOCENTRIZMU V JAZYKU¹

Zuzana Kováčová

Katedra slovenského jazyka a literatúry
Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)

EGOPRESENTATION IN SEMANTIC STRUCTURE OF NOMINATIONS OF TIME, LENGTH, VOLUME... AS AN EXPRESSION OF ANTHROPOCENTRISM IN LAN- GUAGE

Abstract: The article is methodologically based on the linguistic-cognitive theory of metaphorical synergy of the living word and on the method of narrative-discourse analysis of lexemes and phraseology. It is one of the ways to penetrate into the essence of indirect, that is metaphorical, metonymic or metaphoric-metonymic nominations. The article is based on a diachronic approach to the language, resp. to selected names. As a subject of the analysis, several out dated nominations are selected. At the time of their original and active language, they bore the information about their semantic motivation. The analysis of historicism is aimed at proving transposition procedures in nominations. It is about finding a certain degree of universalism in human thinking, which is projected into language. Reconstruction of the semantic word structure directs to identify the anthropocentric nature of the language. In the study, the anthropocentric nature of the language is demonstrated in the archaic name of time, distance, length, measure and volume in Slovak.

Keywords: metaphor, semantics, associations, connotations, idioms, anthropocentrism

Úvod

Kognitívna lingvistiká zaoberajúca sa odrazom kognície v jazyku za rozhodujúcu pre porozumenie slovám a výrazom v ich prenesenom význame považuje schopnosť konceptualizácie a následnej kategorizácie. Ľudia často používajú slová nie na úrovni ich významov, ale na úrovni konceptov a konceptuálnych príznakov. Istú skupinu slov využívajú ako hotové kliše a nezaujímajú sa o ich tzv. slovníkový, t. j. lingvisticky definovaný význam. Iná skupina jazykových prostriedkov svojimi významami priamo odovzdáva len časť celého svojho implicitného konceptu, čo sa potvrdzuje mnohopočetnými

---

¹ Štúdiá vznikla v rámci riešenia projektu VEGA č. 1/0067/19 *Jazykové reflexie sociálnej egoprezentácie a adresácie*.

synonymami, rôznymi definíciami, vymedzeniami a textovými opismi toho istého konceptu. V kontexte aktuálnych vedeckých poznatkov a tu sprostredkovaných tvrdení treba zdôrazniť, že predmetom kognitívnej lingvistiky sa opodstatnene stalo chápanie lexém, frazém, textov ako v jazyku a reči vymedzených konceptov, čo sa dnes vo vedeckom kontexte najmä lexikálnej sémantiky a frazeológie plne akceptuje.

N. F. Alefirenko (2008b, s. 16) v kognitívnej lingvistike vidí znovuobjavenie mentalingvistiky, ktorá akcentuje jej antropocentrickú podstatu. Ide o typický znak metodologického zdvihu (ako ho nazval citovaný autor), ktorý vidí v smerovaní lingvistiky koncom 50. rokov. Začiatky „mentalingvistiky“ však siahajú ešte do 19. storočia, kedy sa objavuje širší bádateľský záujem o mentálne procesy, resp. o hľadanie zákonitostí v spojitosti jazyka a myslenia. Kognitívna lingvistika je podľa V. Demiankova (1994, s. 27) ohraničená „intenciami hovoriaceho, vzťahom myslenia a reči, ako aj skúmaním javov vnútornej mentálnej podstaty človeka“. Za čisto lingvistické považuje otázky percepcie, jazykovej činnosti, vzťah jazyka a utvárania predstáv a jazykové vyjadrenie afektov ako emocionálneho prežívania človeka. V tomto zmysle N. Korina (Korina a kol., 2014, s. 14) ponúka opis širšieho vedecko-historického kontextu nástupu kognitívnych vied ako dôsledku záujmu o kognitívnu činnosť človeka z rôznych aspektov: neurofyziologického, psychologického, lingvistického, filozofického a ďalších. Ako sama konštatuje, napriek viacerým teóriám, ktoré analyzujú jednotlivé procesy mentálno-rečového charakteru, otázka porozumenia v jeho komplexnom poňatí dodnes ostáva aj pre vedcov viac-menej hádankou.

K základným otázkam kognitívnej lingvistiky patrí tak otázka vzťahu jazyka a myslenia, ako aj otázka porozumenia vypovedanému, resp. vypovedanému a myslenému či mienenému. Schopnosť akceptovania sveta/reality človekom je založená na jeho schopnosti myslieť a poznávať. Poznávacia aktivita človeka je intenčná, t. j. zameraná na asimiláciu okolitého sveta a na porozumenie kľúčovým procesom, aby na základe získaných poznatkov mohol v istom fyzickom priestore žiť a orientovať sa. Podstata poznávacieho procesu bola dlho pripisovaná identifikácii a kategorizácii, v ostatných rokoch sa v kognitívnych vedách prisudzuje rozhodujúca funkcia procesu konceptualizácie.

Metodológia

Metodologickým východiskom štúdie je teória metaforickej synergetiky živého slova N. F. Alefirenka a naratívno-diskurzívna analýza smerujúca k hermeneutickej analýze zmyslového obsahu jazykového znaku, v tomto

prípade nominácií – historizmov a archaizmov lexikalizovaných či konvencionalizovaných vo vyjadrovaní miery, času, objemu a plochy.

Rekonštrukcia nominácií ako konceptov implicitne obsiahnutých v apelatívach (ale aj v onomastike vôbec) vedie k identifikácii pôvodnej motivácie slov, z ktorej je zrejмый prvotný – zmyslami sprostredkovaný vnem. Rekonštrukcia dokazuje, že v historických dobách, kedy bola slovná zásoba v jazyku menšia (človek nepotreboval pomenovať toľko artefaktov v bežnom živote), východiskom pre pomenovanie rôznych súčastí života bolo ľudské telo. V dôsledku explicitnej antropocentrickej motivácie bol (aj novým) nomináciám bol pripísaný a všeobecne akceptovaný jednoznačný význam. Antropocentricky orientovanú „Teóriu živého slova“ predstavenú N. F. Alefrenkom je možné považovať za jeden z relevantných metodologických základov identifikácie procesu porozumenia v jazykovej interakcii.

Predmetom štúdie sú analýzy zvolených lexém – historizmov nahradených v aktuálnej slovnej zásobe inými exaktnejšími a zväčša internacionalizovanými pomenovaniami, no niektoré sa zachovali ako komunikačné stereotypy alebo ako frazeologizované spojenia. Tak historizmy, ako aj archaizmy či archaické spojenia sú pri hľadaní odpovede na otázku Kde vzali ľudia slová? materiálom, z ktorého je možné rekonštruovať ukrytý sémantický potenciál, ale tiež odhaliť jeden z najproduktívnejších a najvšeobecnejších princípov lingvokreatívnej činnosti človeka. Historizmy a archaizmy svojou zastaranou formou viac-menej reflektujú pôvodnú motiváciu významu či podstatnú časť sémantickej štruktúry slova. Ako objekt etymologickej analýzy umožňujú rekonštrukciu pôvodnej motivácie nominácie, odkrývajú mechanizmus metaforickej či metonymickej transpozície, čím potvrdzujú úzku spojitosť medzi zmyslovým vnímaním sveta či skúsenosťou človeka a jeho kognitívneho aparátu kooperujúceho s tvorivou činnosťou človeka ako používateľa jazyka.

Podľa A. Kubriakovovej (2001, s. 34) je konceptualizácia založená na komunikácii, ktorá je rozhodujúca pre priradenie významu. Konceptualizáciu považuje za myšlienkový konštrukt, ktorý dáva význam predstavám o svete v podobe konceptov, čiže v poznaní človeka fixovaných významov. Naše poznanie má teda povahu konceptov, ktoré vznikajú ako fixované významy.

V najnovších prácach N. F. Alefrenko (in Korina a kol., 2014, s. 20) usiluje o hľadanie metodológie vedúcej k objasneniu a opísaniu prameňov naratívno-diskurzívneho zrodu asociatívno-obrazného významu. Predpokladá rozpracovanie špeciálnej metódy výskumu, za ktorú označuje ním predkladanú naratívno-diskurzívnu metódu. V kontexte jeho úvah pochopiť a nájsť vo výsledku hermeneutickej analýzy zmyslový obsah obrazného znaku/pomenovania znamená preniknúť do análov jeho vnútorných štruktúr, uvidieť svet očami tých, ktorí ich použili. Naratívno-diskurzívnu analýzu považuje autor

za metódu prieniku do skrytých mechanizmov formovania asociatívno-obraznej štruktúry znakov nepriamej nominácie.

Vysvetlenie podstaty konceptu je podľa N. F. Alefirenka (Alefirenko – Korina, 2011, s. 30) najjednoduchšie prostredníctvom jazyka. Slová nie sú nevyhnutné pre formovanie a jestvovanie konceptov. Sú nevyhnutné pre pochopenie konceptov, ich odkrytie, no súčasne sú jedným z prameňov ich formovania v poznaní človeka. Aby sme mohli narábať s konceptami ako výsledkami rozumovej činnosti, je nevyhnutné tieto koncepty verbalizovať, t. j. pomenovať, vyjadriť jazykovým znakom, resp. nahradiť jazykovým znakom. Jedno a to isté slovo môže v rôznych komunikačných situáciách predstavovať rôzne vlastnosti konceptu, a to v závislosti od komunikačnej situácie, komunikačnej stratégie, od objemu a závažnosti informácie, ktorá je predmetom sprostredkovania v komunikačnom akte.

Lingvokognitívna teória metaforickej synergetiky živého slova (Alefirenko, 2009, s. 167) vychádza z toho, že v základe metafory leží metaforické myslenie, ktoré je iniciované aktivizovaním celých konceptuálnych štruktúr. Tie sú medzi sebou zviazané všeobecnými kognitívnymi schopnosťami človeka asociatívno-obrazne si osvojovať poznatky a premieňať ich na zjednodušené obrazy či schémy.

Ak pod jazykovou reprezentáciou konceptu rozumieme napríklad slovo a súčasne slovo chápeme ako symbol, potom sa do vzájomného vzťahu dostávajú nielen symbol a metafora, ale aj ľudské vnímanie, myslenie a vyjadrovanie. Uvažovanie o podstate nášho myslenia, poznávania, fantázie i bežnej ľudskej komunikácie sprevádza hľadanie podstaty a vlastností symbolu a metafory, resp. identifikovanie ich vzájomného vzťahu. Uvažovať o symbole a metafore znamená uvažovať o symbolickosti a metaforickosti ľudského myslenia. Vzťah symbolu a metafory je taký blízky, že ich niektorí autori stotožňujú.

Symbol sa spája s jednoznačnosťou a presnosťou, metafora ako mnoho-významový prvok je viac nepresná ako presná, viac individuálna ako všeobecná. Ak sústredíme pozornosť na vzťah človeka ku skutočnosti, zistíme, že je to zložitý proces, ktorý je sprevádzaný aj istou mierou náhodilosti a má individuálne modifikácie. Poznanie a rozhodovanie je zasadené do neurčitosti a nepresnosti, ale na druhej strane má svoje limity či tolerancie. Prírodný jazyk interferujúci tak do vzťahu človeka a reality, ako aj do poznávacích procesov, analogicky nadobúda svoje nepresnosti, nejednoznačnosti a neurčitosti. Napriek tomu je efektívnym a nenahraditeľným nástrojom poznávania a rozhodovania.

Koncepty založené na zmyslovom a telesnom vnímaní a pociťovaní

G. Lakoff (2006, s. 35) rozoznáva tzv. štruktúrne metafory, keď sa jeden význam použije v inom význame, t. j., keď dochádza k preneseniu významu na základe tvarovej podobnosti a ďalší typ metafory, keď niet štruktúrneho usporiadania v zmysle použitia jedného významu v zmysle iného významu, ale dochádza k organizácii celého systému významov podľa vzoru nejakého iného systému. Takýto typ metafory G. Lakoff (2006, s. 14 – 20) nazýva orientačné metafory, pretože väčšina významov je zviazaná s priestorovou orientáciou. Konkrétne ide o protiklady typu: *hore² – dolu, vnútri – vonku, predná strana – zadná strana, hlboký – plytký, centrálny – periférny*.

Schopnosť človeka produkovať nové pomenovania na metaforickom základe a súčasne dispozícia im porozumieť, svedčí o metaforickom základe nášho myslenia a vyjadrovania. Metafora má vo svojej podstate implicitne obsiahnutý obrazný charakter. V každej metafore sa zachováva tvarová podobnosť s východiskovým, t. j. motivujúcim slovom či pomenovaním – motivantom. Frekvencia metafor a automatické porozumenie metaforám je intuitívne a je dôkazom toho, že aj naše myslenie má metaforickú, t. j. obraznú povahu.

Antropocentrizmus v jazyku na príklade polysémie slovesa *sedieť*

Zdrojom veľmi produktívnych lexikalizovaných metaforických pomenovaní je najmä ľudské telo a jeho schopnosť zaujímať niekoľko základných polôh. Sloveso *sedieť* označuje stabilizovanú prirodzenú polohu tela a jeho ďalšie sémantické transpozície vedú k vzniku nových nominácií a nových významov, čím sa stáva typickým príkladom účinnosti kognitívnej metafory, ktorú už Aristoteles považoval nie za poetickú figúru, ale za figúru ľudského myslenia. Zo samotnej podstaty metafory vyplýva, že v každej – relatívne novej – nominácii je obsiahnutá významová štruktúra staršej, resp. pôvodnej či motivujúcej lexémy s identickou koreňovou morférou a ďalšia zmena formy je reflexiou prichádzajúcich nových či ďalších sémantických príznakov.

---

² Metaforická orientácia sa opiera o našu fyzickú a kultúrnu skúsenosť. K najrozšírenejším metaforám sa radia metafory založené na opozícii *hore – dolu*, ku ktorým pristupujú hodnotenia na úrovni *dobré – zlé*, napríklad *vyšoké ciele – nízke pudy, vysoké nebo – hlboké peklo, vysoko nad priemer – hlboko pod priemer*. Túto opozíciu reflektuje v slovenčine frazéma *Kto vysoko rúbe, hlboko spadne*. Metaforickú povahu má aj veľká časť terminológie: *vyšoká nezamestnanosť, vysoké preferencie, vysoké úroky, vysoká úmrtnosť, vysoký štýl, vysoká sledovanosť*.

Z hľadiska porozumenia má prvoradý význam predovšetkým mechanizmus či zautomatizovanie vzniku aktuálne nových, no nie úplne rozdielnych významov, ktoré slovo viditeľne v diskurzívnom priestore nadobúda. Kľúčové je identifikovanie mechanizmu či zautomatizovaniu porozumenia novej aktuálne získanej kvalite v novom autonómnom význame. Pre identifikáciu tohto mechanizmu sme si zvolili sloveso, ktoré na jednej strane pomenováva prirodzenú polohu ľudského tela, na druhej strane sa vyznačuje početnými kolokáciami. Pokúsime sa identifikovať a zoradiť všetky významy, ktoré istou kontextovou modifikáciou sloveso *sediť* nadobúda a ktoré identifikujeme ako kolokácie³. Najbližšie k priamemu a neutrálnemu významu slovesa *sediť* je spojenie *sedím doma a rozmýšľam*. Zmysel výpovede však nie je úplne identický s primárnym významom slovesa *sediť*. *Sedím doma* je metaforickým vyjadrením faktu, že autor prehovoru nemá záujem vyhľadávať spoločnosť⁴. Základný slovníkový opis významu slovesa *sediť* je: „mať zadnú časť tela uloženú na niečom“ (*Krátky slovník slovenského jazyka*, 1987, s. 396).

Použitie spojenia *sedím doma* je viac vyjadrením duševného rozpoloženia, než informáciou o priestore, v ktorom sa človek v akej polohe nachádza. Podobne ďalšie významy slovesa *sediť* sú použité v prenesenom význame nepriamych, t. j. metaforických pomenovaní:

- (1a) Spojenie *môj starý sedí* – znamená, že je vo väzení – jeho osobná sloboda je obmedzená na základe právoplatného výroku súdu;
- (1b) Nepriame pomenovanie *sadá dom* znamená, že vplyvom úhrnného objemu zrážok klesá budova vo svojich základoch, čo najčastejšie súvisí s podložíom a v dôsledku čoho je ohrozená statika budovy;
- (1c) Spojenie *čo napísal znalec do posudku, sedí* znamená, že mal pravdu, resp. uvažoval správne;
- (1d) Spojenie *pôjdeme si niekam sadnúť* je plánovaním príjemného trávenia času napr. v kaviarni;
- (1e) Spojenie *otvorili nové sedenie* je preneseným pomenovaním nového/ďalšieho priestoru – najčastejšie kaviarne;

---

³ Kolokácie slovesa *sediť* demonštrujeme na diskurzívnom priestore nasledujúceho dialógu: Telefonujú dve priateľky – A: *Ahoj, dávno som ťa nevidela. Najskôr tvoj manžel sadol na vysokého koňa a potom... Odkedy tvoj starý sedí, stal sa z teba hotový domased.* B: *Máš pravdu, mám starosti, po povodniach nám sadá dom. Znalec to napísal do posudku, čo úplne sedí, lebo praskajú múry.* A: *Pod', pôjdeme si zajtra niekam sadnúť, v meste otvorili nové sedenie.* B: *Dobre, aspoň uvidíš, ako mi tie nové šaty sadnú.*

⁴ Poznámka: nemusí nevyhnutne *sediť*; napr. z nejakej frustrujúcej príčiny dáva prednosť samote.

- (1f) Spojenie *šaty/sukňa mi sadnú* – je ustálený zvrät, ktorý sa vyskytuje v neoficiálnej komunikácii; ide o konštatovanie že *šaty/sukňa* mi pristanú;
- (1g) Spojenie (niekto) *sadol na vysokého koňa* je frazéma, ktorej význam je, že niekto zastával vysokú/dôležitú funkciu, resp. spoločensky významný post;
- (1h) Frazeologizované kompozitum *domased* (s miernym pejoratívnym zafarbením) je významovo priezračné, typické pre hovorový štýl, jeho metaforická povaha pramení z konceptu nepriamej nominácie *sedím doma*. Spojenie *sedím doma*, ktoré je príkladom lexikalizovanej nepriamej nominácie a je dôsledkom účinkovania konceptuálnej metafory, vytvorilo živný substrát pre vznik nového – ďalšieho nepriameho, no zrozumiteľného a lexikalizovaného pomenovania.

Exaktným dôkazom príslušnosti slov *sedieť/sadnúť* a *sadiť* (napr. zeleninu, kvety) k identickému konceptu je opis hesla *sadiť* v *Českom etymologickom slovníku* (2001, s. 564)⁵. Ide o slovo, ktoré je všeslovanské vo svojom základe: *sadzić* (poľsky), *sadít* (rusky), *sāditi* (srbsky a chorvátsky) a *saditi* (v staroslovjenskom jazyku). Základ slova pochádza z praslovanského *sěsti, čo má blízko k praslovanskému *sěděti, *seděti. Praslovanské *sěděti, *seděti zodpovedá napr. lotyšskému *sēdet*, lat. *sēdere*, ale príbuzné je aj nemecké *sitzen* a anglické *sit*, čo vedie k indoeurópskemu **sed-* tv. Etymologický slovník ďalej pri hesle *sedieť* odkazuje na slová *sadza*, *sused*, *sedliak*, *sedatívum*, pri slove *sadiť* odkazuje na *sad*, *osada*, *zasadiť*, *sadlo* a ďalšie, ktoré vznikli prefixami a sufixami v procese derivácie. Dve podoby toho istého slovesa – *sedieť* a *sadnúť* – dali vznik novým progresívnym konceptom, na ktorých vyrástli lexikálne bohaté rady nových nominácií s identickou koreňovou morféomou. Spoločný základ uvedených nominačných radov sa prestal v jazyku pociťovať a jeho rozpad znamená vznik polysémie. Potenciál spomenutých konceptov sa manifestuje aj v súčasnom jazyku, a to najmä v novovznikajúcej terminológii (vo finančníctve termín *usadenina*, resp. v slangu frazeologizované *sedieť na niekom* a pod.).

Ku konceptu *sedenia patria* aj dve zastarané lexémy *sednica* a *sedria*:

- (1i) *Sednica* je zastaraný výraz pre zasadnutie, schôdzku. Lexéma sa vyskytuje v štúrovskej slovenčine: „Na pamätnej sednici spolku Tatrína...“ (SSJ, IV, s. 49);

---

⁵ Používa sa ako argumentačná báza najmä s ohľadom na príbuznosť češtiny a slovenčiny.

- (1j) *Sedria* je pomenovanie súdu za rakúsko-uhorskej monarchie; je to príklad konceptu, v ktorom kooperujú dva koncepty: *zasadať* (za istý čas zotrvať pri riešení sporných otázok – *mať sednicu*) a *súdiť* – vynášať súdy (rozhodnutia, úsudky).

Vzhľadom k tomu, že slovo *sedria* má status termínu tak v historických vedách, ako aj v právnej vede, uplatníme naratívno-diskurzívnu analýzu smerujúcu k hermeneutickej analýze slova *sedria*. Slovo *sedria* vzniklo z latinského *sedere*, ktoré má rovnaký indoeurópsky prazáklad ako aj praslovanské *seděti a znamená sedieť. Termín *sedria* je však do slovenského kontextu importovaný ako kalk z latinskej terminológie. A. Švecová a T. Gabriš o tom hovoria: „Koncom 13. storočia po vzniku šľachtickej župnej autonómie vykonávali súdnu moc ešte župani zanikajúcich kráľovských komitátov, resp. sa súdna právomoc kontinuálne preniesla na podžupanov, slúžnych a prísediach. Spočiatku mal župný súd kongregačný charakter – prejednávane súdnych sporov pred generálnou kongregáciou – až postupne sa zmenil na uzavretý súdny tribunál: *sedes iudicaria* – skrátene *sedria*. (...) Všeobecná právomoc *sedrie* určovala, že rozhodovala o veciach nešľachticov a postupne taktiež najdôležitejšie veci župnej šľachty. Do vecnej pôsobnosti sa zaradili krádeže, lúpeže, peňažné a desiatkové spory. Šľachta sa snažila získať exempcie, ktoré ale Matej I. zrušil (vynímajúc len dedičných grófov), a tak sa všetka župná šľachta musela podrobiť *sedrii* vo veciach, ak hodnota sporu nepresiahla 100 zlatých a od druhej polovice 15. storočia aj v prípade okupácií, zálohov pozemkov, obvenenia a zasnubných darov. Samosprávnou pozíciu v čase habsburského absolutizmu si uchovala nielen župná samospráva, ale aj *sedria* – priamo s ňou spojená organizačne aj personálne. V znení Quadripartita z r. 1553 *sedria* ako riadny vidiecky súd bola povinná rozhodovať spory spadajúce do jej kompetencie a pokiaľ jej rozhodnutie bolo napadnuteľné na súde Kráľovskej kúrie, konečné rozhodnutie príslušného kurikulárneho súdu musela aj vykonať“ (Švecová – Gabriš, 2009, s. 102 – 103).

Konceptualizácia vyjadrovania najkratšej časovej jednotky

Analogicky k vyššie opísanému transpozičnému princípu vznikali nominácie základných – aj keď neurčitých – jednotiek času, miery, dĺžky⁶ a pod., ktoré si používatelia jazyka vytvárali viac-menej intuitívne, patria k najstarším

---

⁶ Príklad slovesa *sedieť* a jeho kolokácií sme zvolili pre jeho sémantickú priezračnosť; nasledujúce pomenovania časových a priestorových relácií sú zrejme staršie v porovnaní s terminologickým historizmom *sedria*.

verbalizovaným konceptom vyjadrujúcim snahu o „uchopenie“ časových, priestorových, objemových a ďalších súvislostí.

Najstaršie podoby vyjadrovania času v minulosti a identifikácia konceptualizácie, ktorá k nim viedla, napovedajú, že východiskovou doménou bolo ľudské telo. Komunikačno-receptívne dispozície človeka, t. j. schopnosť zmyslami vnímať a prenášať vnem do konkrétnych mentálnych štruktúr sa odкрývajú pri rekonštrukcii sémantickej štruktúry zastaraných nominácií.

Človek pri mentálnom a verbálnom spracovávaní reality vychádzal zo zmyslovej skúsenosti a z vnímania vlastného tela. Napriek tomu, že mnohé nominácie v jazyku zastarávajú a posúvajú sa na okraj slovnej zásoby, v niektorých sa zjavne manifestuje reflexia pohybu či operácie ľudského tela, zachovali sa a aktuálne sa používajú, no ich metaforickú či metonymickú povahu si už neuvedomujeme.

- (2a) Antropocentrická povaha vyjadrovania času je zrejmá z pomenovania najmenšej časovej jednotky okamih. Táto lexéma označuje neurčitú a veľmi malú časovú jednotku, vznikla ako kompozitum, a to spojením genitívneho tvaru substantíva *oko* a deverbatíva *mih*. Veľmi krátke a časovo neurčité trvanie mimovoľného pohybu očného viečka (zlomok sekundy) je sémantickým obsahom pomenovania *okamih*.
- (2b) Opačný, t. j. dlhý zrakom postihnuteľný časový úsek sa reflektoval vnímaním svetla počas 24 hodín: *od svitu* (východ slnka) *do mrku* (tma); toto spojenie sa frazeologizovalo (*pracovať od svitu do mrku*);
- (2c) Analogicky sa používali spojenia označujúce celé úseky roka, a to najmä pre ich reverzibilitu: *od leta do leta*, *od jari do jesene*;
- (2d) Príkladom metonymického – synekdochického mechanizmu je spojenie (*študoval*) *štyri zimy* vo význame *štyri roky*.

Pre súčasného používateľa slovenčiny je samotné slovo *mrk*, *mrká* nielen nezvyčajné či príznakové, zastarané, ale aj sémanticky nejasné. Pociťuje sa ako archaizované, pri živote ho udržiava najmä frazéma *od svitu do mrku*, a to ako absolútne vyjadrenie trvania denného svetla, ktoré štylisticky slúži na intenzifikáciu výrazu. Používa sa tiež sémanticky identické frazeologizované spojenie *od nevidím do nevidím*, a to v rovnakých kontextových súvislostiach, najmä pri vyjadrovaní ujmy, ktorú človek zažíva pri namáhavej práci. Rozdiel je v aspekte, s ktorým sa v komunikácii jedno z dvoch uvedených spojení realizuje. V prípade *od svitu do mrku* ide o objektívizáciu nominácie, ktorá spočíva v odvolaní sa na astronomickú zákonitosť, zatiaľ čo v prípade spojenia *od nevidím do nevidím* ide o akt videnia subjektom.

Antropocentrizmus v jazyku je tu indikovaný vnímaním svetla a tmy. Subjektívna reflexia plynutia času sa v prípade nominácie *mrká* odvíja od fyziológie oka ako orgánu videnia. *Okamih* – kompozitum, ktoré vzniklo spojením lexém *oko* a *mih* (ako deverbalizované *mihnúť okom*) pomenováva časovú jednotku, ktoré zodpovedá zlomku sekundy. Iné pomenovanie pre pohyb očného viečka *mrkanie* – *mrk* sémanticky indikovalo tmu podobne ako zatvorené oko. Metaforicky sa prenieslo aj na pomenovanie objektívneho stavu súvisiaceho s ustupujúcim svetlom. V *Českom etymologickom slovníku* (2001) nájdeme opis tu rekonštruovaného *mrkať*: české *mrkat*, ruské *mérknut* – *zhasínať*, srbské a chorvátske *mrknuti* – *zotmieť sa* z praslovanského **mrkati*, **mrknoti*. Sémanticky i formálne je slovo príbuzné so slovom *mrak*, *mračno*, čo vzniklo z praslovanského **morkъ* – *zotmenie*, *mrak* a to je príbuzné s litovským *mérkti* – *zatvárať oči*, gótskym *maúrgins* – *ráno*, ale aj nemeckým *Morgen* a anglickým *morning* -tv., všetko od indoeurópskeho **merk-*, čo znamená *zatmievať sa* od **mer-* = *miháť sa* a odkazuje aj na nový metaforicky utvorený význam *mrholiť* – *slabo pršať*.

Etymologický opis poukazuje na fungovanie asociácií v jazyku, čo je jedným z princípov kognitívnej lingvistiky a súvisí s rekonštrukciou konceptu. Zatiaľ čo štrukturalizmus v jazykovede vychádza z chápania významu slova na základe definície, kognitívna lingvistika vychádza z rekonštrukcie konceptu a význam slova sa asociuje. Mechanizmus asociácií významov dokazuje, že jazyk je svojbytný a samoorganizujúci sa systém. *Mrak* ako prekážka slnečného svitu spôsobí istú mieru *stmievania*, čo je analógia s *mihnutím oka*, kedy na zlomok sekundy orgán videnia prestane prenášať svetlo, a teda spôsobí *tmu*. Opísaný mechanizmus asociácií ukazuje, že koncepty sa medzi sebou môžu kombinovať, vrstviť a v nových nomináciách/lexémach sa vnútorne hierarchizujú.

Konceptualizácia vyjadrovania pomenovania minulého v archaických nomináciách

Na pomenovanie minulého, napr. roka sa už dnes len zriedkavo používa v slovenčine archaizovaný výraz *lanský rok* (ale aj genitívna podoba *lanského roku*, *lanského leta*). V češtine sa zachovala príslovka času *loni* a od toho odvodené *loňský* (porov. *Český etymologický slovník*, 2001). Základ tvorí praslovanské **olni* vyvodzované z indoeurópskeho **ol-nie*, lokál: od *ol-no-*, ktoré nájdeme aj v starolatinskom *olli* – *vtedy*, *ollus* – *onen* (z toho zmenou latinské *ille* a z toho členy v románskych jazykoch). Základom je indoeurópsky pronomínálny koreň **al-/*ol-* poukazujúci na *niečo časovo* či *priestorovo vzdialené*.

Metaforické pomenovanie časového úseku s presahom do terminológie

Čas sa v slovenčine vyjadruje dĺžkou, napr.:

(3a) Výrok súdu: „Menovaný sa odsudzuje na trest odňatia slobody v dĺžke trvania 5 rokov.“

(3b) Správny orgán uvádza: „Najbližší ďalší termín je 20. septembra.“

(3c) Príklad z reálneho spoločenského diskurzu: V judikáte sa píše: „Menovaný sa odsudzuje na trest odňatia slobody v dĺžke trvania 18 mesiacov. Strany sa vzdali odvolania, preto nemožno výšku trestu skrátiť.“

(3d) Príklad z normy správneho orgánu: V prípade omylu sa lehoty na odvolanie predlžujú.

Rovnako sa vnímanie priestoru a vzdialenosti premieta do vyjadrenia príbuzenských vzťahov:

(4a) *Moja najbližšia rodina;*

(4b) Platí to aj v opačnom význame: „Sú to moji vzdialení príbuzní.“ Dĺžka sa môže skrátiť: *lehota na odvolanie sa v tomto prípade skráti...*

(4c) Z oblasti fyzickej existencie sa tieto postupy preniesli aj do oblasti mentálnych aktivít. Výzva k posunu v rokovaní či diskusii je takáto: *Podme ďalej!* / v češtine *Jdeme dál.* v jazykovo-príbuznej slovinčine *Podme dopredu.*

Z príkladov a z porovnania je zrejmé, že v slovenčine sa *mentálne centruje konkrétny bod*, okamih, od ktorého sa odvíja daná činnosť/dej.

Časová následnosť *predtým* a *potom* v pomenovaniach ascendentných a descendentných vzťahov

Analogicky sa mentálna reflexia centrovania konkrétneho bodu reflektuje v pomenovaní ascendentných a descendentných vzťahov.

Ascendent – v slovenčine *predok* (ten, ktorý tu bol predo mnou), v češtine *předek*, je pomenovanie odvodené od všeslovanskej predložky *pred-*. Praslovanské **perdъ* je odvodené od **per – nad*, pochádzajúce z indoeurópskeho **per-*, ktorého východiskový slovesný význam je *previesť, prejsť*. (Rejzek, 2001, s. 511 – 512). Descendent – v slovenčine *potomok* (ten, ktorý tu žije po tom ako sme žili my/ja), v češtine *potomek*, v ruštine *potómok*, v srbčine a chorvátčine *potómak* je pomenovanie odvodené od spojenia **po tomъ – ten, kto príde po tom(to) pokolení* (Rejzek, 2001, s. 492). Slovníkový výklad pôvodu slova *descendent* v slovenčine nemohol obísť somatický pôvod metaforického lexikalizovaného slova *pokolenie*. *Pokolenie* je slovo, ktoré sa

s malými obmenami vyskytuje vo všetkých slovanských jazykoch, je odvodené od pomenovania časti nohy – *koleno*. Motivácia pramení z údajného pradávného zvyku, keď staršina rodu bral na kolena novorodenca, čím ho uznal za príslušníka rodu. Rejzek (2001, s. 484) uvádza, že v indoeurópskom prajazyku sú výrazy pre *koleno* a *rod/rodiť* veľmi podobné (porovnaj latinské *genus* – rod, *genū* – koleno), ale obidva korene boli považované za homonymné.

V kontexte poznatkov kognitívnej lingvistiky je zrejmé, že ide o metaforu, ktorá je založená na podobnosti vnímania ohybu ako dispozície ľudského tela a k nej pripodobnenej sociálnej štruktúry. Tento mechanizmus je opakovane prítomný a preukázateľný na mnohopočetných ďalších príkladoch (koncept ruky, nohy, ramena, ucha, oka...).

Vyjadrovanie vzdialenosti a jeho metonymická povaha

Na vyjadrenie vzdialenosti sa používa intencná fyzická aktivita spojená s premiestňovaním človeka:

(5a) *Bývam na skok odtiaľto;/ Je to len pár krokov;*

(5b) Striktný zákaz pre dieťa vzdialiť sa: „*Ani na krok!*“

Vyjadrovanie vzdialenosti sa v minulosti vyjadrovalo časom meraným mierou ľudských dispozícií, resp. odrážalo dobový historický a sociálny kontext, napr.:

(6a) *Je to dva dni pešo;* (v kontexte sociálno-spoločenských pomerov 19. storočia: *Je to jeden deň vozmo/koňmo.*

(6b) V hovorovej reči sa analogicky dnes používa (pre približné, nie exaktné) vyjadrenie trvania spojenie *Autom sme tam za dve hodiny – to znamená, že sa vyjadruje časové trvanie deja, resp. sa kvantitatívne vymedzí čas, ktorý v danej činnosti nevyhnutne zotrváme.*

Merica – k pôvodu a motivácii pomenovaní jednotiek objemu

Hľadanie, resp. rekonštrukcia významu slova *merica* je spojená s identifikáciou vzniku predstavy počtu vyjadreného číslovkou, pričom treba reflektovať, že kvantitu môžeme vyjadriť presne, ale aj neurčito. Pre súčasného používateľa jazyka viac-menej neznáme slovo *merica* je odvodené od *mera* (porov. *Stručný etymologický slovník slovenčiny*, 2015), význam slova indikuje dávnu dutú mieru, no bez konkrétnejšej predstavy. Uvedené pomenovanie vzťahuje sa ku konkrétnemu objemu vzniklo metaforickým prenesením pomenovania nádoby, ktorou sa odmeralo množstvo obilia/múky. Základ slova je všeslovanský: poľské *miara*, ruské *méra*, srbské *méra*, odvodený od staroslovanského *měra*. Praslovanské **měra* je odvodené od indoeurópskeho *mē-*,

čo znamená *merat'*. Je príbuzné litovskému *mėtas* – čas, *matúoti* – *merat'*, nemeckému *messen* a gótskemu *mēl* – *doba*. Predpokladá sa, že stará *mera* obsahovala pôvodne 40 menších jednotiek. *Slovník slovenského jazyka II* (1960, s. 133) explicitne uvádza, že ide o nárečový výraz, ktorým sa pomenúva počet 40 kusov. V prípade objemu išlo o objem 61 litrov. Mericou sa vyjadroval najčastejšie objem obilia, múky a strukovín. Rovnako slovo *merica* označuje nádobu na odmeranie relevantného objemu.

(7a) Význam *štyridsať* v súvislosti so slovom *merica* sa zachoval tiež v historickom názve *meruôsmi rok*. V tomto kontexte možno argumentovať slovami Ľudovíta Štúra v jeho diele *Náuka reči slovenskej* (in Kralčák a kol., 2014, s. 188 – 353), kde okrem iného upozorňuje na nesklonnú podobu tohto slova. Rok 1848 bol pre Slovákov žijúcich v štátnom útvare mnohonárodnostnej rakúsko-uhorskej monarchie rokom revolučných počínov a do dejín roky 1848 – 1849 vošli ako *meruôsmi roky*. Toto pomenovanie má aktuálne v historických vedách terminologickú hodnotu.

(7b) V 19. a začiatkom 20. storočia sa používala lexéma *merba* (v súčasnosti archaizmus), ktorou sa označoval napr. edukačný predmet *geometria*.

Siaha – dĺžková miera a jej antropocentrická motivácia

Za starú, dnes takmer neznámu a nepoužívanú starú dĺžkovú mieru môžeme označiť slovo *siaha*, v češtine *sáh*, čo sémanticky vychádza zo slovesa *siahať* (rukami). Táto dĺžková miera bola odvodená od rozsahu rúk, t. j. vzdialenosti, do ktorej bol človek, pravdepodobne dospelý muž, schopný *dosiahnuť rozťahnutými pažami* a predstavovala 1,896 metra. *Siaha* má všeslovanský základ v podobe *sięgač*, čo je odvodené z praslovanského **sęgati*, vychádza z pôvodného **sęgti*, čo je z indoeurópskeho **seg-* a znamená *pripnúť, zavesiť sa, dotýkať sa* (Rejzek, 2001, s. 559). Od slova *siaha* vzniklo aj pomenovanie *siahovica/siahovina* – štiepané palivové drevo v dĺžke siahy.

Siaha patrí ku konceptu ruky, pričom ruka a jej časti sú zakomponované do obrazných pomenovaní, ktoré označovali intuitívne vytvorené, no logické jednotky miery či dĺžky. (Podobne bolo lexikalizované spojenie ukladať *hřstky* do snopov pri žatve, no tu ide o vyjadrenie objemu či neurčitého odhadnutého počtu rastlín – klasov obilia). Napr.:

(8a) *Mať desať siah dreva.*

Ďalšie koncepty ruky premietnuté do nepriamych nominácií vyjadrujú-
cich objem či dĺžku:

(8b) Kúpiť *štyri lakte* hodvábu;

(8c) Vziasť *štipku soli*; Mať/nemať *ani štipky hanby*.

Pri koncepte ruky nemožno obísť lexikalizované metafory ako:

(8d) Byť *sám ako prst*; *Nepchať (do niečoho) prsty*.

Pri etymologickom opise slova *prst* je zrejmá motivácia tvarom a jeho pro-
porčným vzťahom k dlani. Slovenské slovo *prst*, praslovanské **pъrstъ* pochá-
dza z indoeurópskeho **pr-sto-*, t. j. *vpredu stojaci, čnejúci* z **pr-* a odvodeniny
od **stā-*, čo znamená *stát*.

V slovenských nárečiach, v hovorovej reči starších užívateľov jazyka, v lu-
dových rozprávkach sa kontextovo a v slovníkoch opisne zachovali ďalšie už
archaizované spojenia metaforického charakteru.

Na vyjadrenie výšky:

(8e) *Na piad' chlapík* (prístavok pre rozprávkovú postavu *Martinko Klingáč*);

(8f) V potoku je voda *žabe po brucho* (posmešne);

(8g) Odstrihnúť *na dva/štyri prsty* (archaicky).

Na vyjadrenie vzdialenosti:

(8h) Sadiť *na piad' od seba* (archaicky); *Merať od buka do buka* (frazéma).

Na vyjadrenie objemu:

(8i) *Za hrst' soli/dve hrste soli*.

Na vyjadrenie miery identity:

(8j) Byť *navlas rovnaký*.

Na vyjadrenie miery presnosti:

(8k) *Nepomýliť sa ani o vlások*.

Antropocentrizmus zakódovaný v nominácii starej plošnej miery *jutro/jutrá*

Slovník slovenského jazyka I (1959, s. 656) identifikuje slovo *jutro* ako
starú plošnú mieru na meranie pozemkov. (Katastrálne *jutro* malo rozlohu
1 600 štvorcových siah; uhorské *jutro* malo rozlohu 1 200 štvorcových siah.)
Motivácia zastaranej nominácie (dnes už nepoužívanej) plošnej miery *jutro*
je súčasnému užívateľovi jazyka nejasná. Asociuje sa spojenie s ďalšími ar-
chaizmami: *jutrenka* – básnické pomenovanie pre dennicu – zorničku, ako aj

s prídavným menom *jutrený* – významovo identifikované v *Slovníku slovenského jazyka* (tamtiež) ako zastaraný básnický výraz pre ranný. Napriek tomu to sémantickému okoliu lexikálnej jednotky v pomenovaní *jutro* nie je spojenie s ránom či ranným explicitné. Etymologická analýza slova *jutro* (*Stručný etymologický slovník slovenčiny*, 2015) uvádza, že praslovanské *ustro < z indoeurópskeho *auēs-*, čo znamená *svietiť*, resp. *žiariť* znamená čas svitania. Iný výklad je z pôvodného psl. **jug-tro-*, ktorý približuje tento výraz k psl. *jugъ. Význam slova *jutro* ako pomenovanie pre starú plošnú mieru môže teda pochádzať z nemeckého *Morgen* – ráno a v metaforickej transpozícii vzniklo pomenovanie pre označenie takého rozsahu (rozmeru) *zeme, koľko jeden záprah zorie za jedno ráno*.

V českom kontexte zodpovedá slovenskému *jutro* české *jitro* ako stará plošná miera (0,6 ha). Je označovaná ako druhý prenesený význam od primárneho *jitro* – ráno. V *Českom etymologickom slovníku* (Rejzek, 2001, s. 252) sa v kontexte primárneho významu autor odvoláva na príbuznosť s nemeckým *Osten* – východ a anglickým *east*. Označenie starej plošnej miery je považované za kalk z nemeckého *Morgen*, „t. j. to, čo oráč „zorá za jitro, t. j. od jitra do večera“.

Apelatívum *jutrá* má v mnohých extravilánoch miest a obcí status vlastného mena pre konkrétnu lokalitu, t. j. je etablovaný ako chotárny názov, napr. ako *Jutrá, Horné Jutrá, Dolné Jutrá*. Ide o štandardný onomastický proces, kedy sa metaforicky prenieslo všeobecné pomenovanie na konkrétnu lokalitu, v tomto prípade napr. podľa výmery pôdy, ktorá pravdepodobne v rovnakej rozlohe (výmere) spravidla v dôsledku inštitútu parcelácie patrila viacerým vlastníkom.

Záver

Význam slova ako sémantická štruktúra implicitne obsahuje niekoľko vrstiev, do ktorých sa za čas jeho spoločensko-jazykového účinkovania postupne premietla tak zmyslová skúsenosť, ako aj historicko-spoločensko-kultúrny kontext a skúsenosť vyplývajúca zo sociálnych interakcií. V istom zmysle v špecifických, ale invariantne identických súvislostiach a relevantných kontextoch či komunikačných situáciách sa výrazne aktivizuje jedna zo spomenutých vrstiev sémantickej hodnoty slova. Tá sa javí významovo priezračnou, vďaka čomu sa postupne aj niekoľkonásobne prenáša – podlieha transpozíčnym procesom, etabluje sa v spoločensko-politickom diskurze a funguje v jazyku ako ďalší autonómny význam. Samotný proces transpozície je organicky začlenený do situačného kontextu a treba brať do úvahy jeho diskurzívne ukotvenie s dôrazom na sociálny a kultúrny rozmer, o čom J. Gallo

(2018, s. 37) hovorí: „V porovnaní s tradične skúmanou rečovou činnosťou jedinca diskurz predstavuje kategóriu so zreteľnejšie vyjadreným sociálnym významom“. Pre vznik kolokácií (ako je opísané najmä v príkladoch *sedieť* či *jutro*) má relevantný význam situácia. J. Sokolová (v súvislosti so sémantikou spojky *kým* a jej konceptualizáciou) hovorí: „Koncept situácie ponímame (...) jednak ako kognitívnu predstavu štruktúry perspektívy a jednak ako spôsob jej interpretácie“ (2015, s. 17 – 40). Z nášho pohľadu je kľúčový spôsob interpretácie konceptu situácie, a to ako implicitnej súčasti bezprostrednej asociácie fyzicko-mentálnych dispozícií subjektu.

Medzi pôvodným významom a ďalším preneseným významom, ktorý je relatívne nový, niet ani úplnej zhody, ani úplnej nezhody. Navzájom súvisia sprostredkované a sprostredkujúcim faktorom je jedna z vrstiev sedimentu primárneho nemetaforického významu. Konkrétne ktorá z mnohopočetných vrstiev to je, nie je úplne logicky postihnuteľné, pretože celý proces nie je riadený naším logickým a deterministickým uvažovaním, ale mechanizmom oveľa komplexnejším a najmä efektívnejším, a tým sú naše asociatívne procesy riadené podvedomím či nadvedomím.

Do prirodzeného jazyka a do chápania slov, ich vzájomných väzieb, symbolov a metafor sa premietajú rôzne životné skúsenosti a prístupy a spôsobujú viacvýznamovosť, a to aj v prípade najjednoduchších znakov a výrazov. Metafora tak môže byť nástrojom presného vyjadrenia práve svojou nejednoznačnosťou. Metaforickosť, symbolickosť a modelovosť sú vnútorné stránky poznávacieho procesu. Ich vzájomná spätosť a súčasne špecifickosť každého z nich bude najlepšie pochopená v ich celistvosti. Takto sa potom poznávací proces ukazuje vo svojej mnohoaspektovosti.

Za základný vektor lingvokognitívnej analýzy považuje N. F. Alefirenko (2008a, s. 13) smerovanie od skúmania sémantiky jazykových štruktúr k porozumeniu ich kognitívnemu substrátu. Režazenie pomenovaní tak, ako ich vidíme v našich autentických príkladoch, ukazuje, že potenciál jazyka je na úrovni produkčných i recepčných aktivít nekonečný. Jazyk sa vie vyrovnáť s novými skutočnosťami, vyberá invariantnú zložku niektorého už konvencionalizovaného pomenovania, a to tak, že preferuje najčastejšie pociťovanie tvaru či obrazu a aktivizuje konkrétnu schému – koncept, uložený v našom podvedomí. Koncepty a schémy sa môžu vrstviť a prelínať, na koncepty zakorenené v telesnom pociťovaní, sa môžu vrstviť/vrstvia koncepty kultúrnej povahy. Všetky príklady opísané v článku potvrdzujú Johnson-Lakoffovu (Lakoff – Johnson, 2002) teóriu predpojmového vtelesnenia štruktúr, a to v podobe konceptov. Rovnako potvrdzujú aj ich identifikáciu konceptuálnej metafory, ktorá je rozvíjaná *Teóriou živého slova* N. F. Alefirenka a jeho naratívno-diskurzívnou metódou sémantickej analýzy.

Opísané príklady potvrdzujú základnú tézu kognitívneho obratu v lingvistiky, a tou je antropocentrizmus v jazyku. Naše predpojmové štruktúry sú vtelesnené a do najstarších slov v jazykoch sa preniesli vnemy získané zmyslovými receptormi a transpozíčnými operáciami sú prenášané do našich mentálno-kognitívnych štruktúr. V tejto súvislosti sa vo vzťahu k subjektu lingvokreatívnej činnosti človeka a jeho ukotvenia v diskurzívnom priestore viažu slová I. Dulebovej (2011, s. 3), ktorá hovorí, že v diskurze je vždy obsiahnutá rovina subjektívna a tematická: „Inými slovami, v diskurze stále konštruujeme nielen svet, ale aj seba a robíme to zakaždým akoby vždy odznova“. Historizmy a archaizmy spoločne s frazémami sú akousi pamäťou prvotnej a následne v lexéme sémantizovanej informácie, preto sú nanajvýš relevantným lingvistickým materiálom pre identifikáciu primárnych konceptov obsiahnutých v sémantickej štruktúre slov.

Rekonštrukcia konceptov zo slov a frazém je dôležitá okrem základných otázok lexikálnej sémantiky aj pre porozumenie významom slov a pre porozumenie textom, v ktorých sa vyskytujú. Tým sa celá problematika stáva relevantnou v celom edukačnom procese a v širšom kulturologickom kontexte.

LITERATÚRA

- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф.: Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. Москва: Елпис 2008а. 312 с. ISBN 978-5-9571-0344-1.
- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф.: Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. Белгород: БГУ 2008b. 152 с. ISBN 978-5-9571-0330-1.
- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф.: Живое слово. Проблемы функциональной лексикологии. Москва: Флинта 2009. 344 с. ISBN 978-5-9765-0852-1.
- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф.: Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. Москва: Издательство Наука 2010. 316 с. ISBN 5-7343-3164-3.
- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф.: Спорные проблемы семантики. Москва: Гносис 2005. 326 с. ISBN 5-7333-0164-3.
- АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. – КОРИНА, Н. Б.: Проблемы когнитивной лингвистики. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre 2011. 216 s. ISBN 978-80-8094-987-7.
- ДЕМЯНКОВ, В.: Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода. In: Вопросы языкознания 1994, № 4, с. 17 – 33. ISSN 0373-658X.
- DULEBOVÁ, I.: Prístupy k definovaniu termínu diskurz v súčasnej ruskej a slovenskej jazykovede. In: Jazyk a kultúra, 2011, roč. 2, č. 7, s. 3. ISSN 1338-1148.
- GALLO, J.: Text a diskurz vo vzájomných súvislostiach. In: Slavica Nitriensia, 2018, roč. 7, č. 1, s. 30 – 39. ISSN 1338-7464.
- КОРИНА, Н. Б.: О некоторых доминантах национальной концептосферы русского и словацкого языков. In: Dialóg kultúr VI. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie konanej 18 – 19 januára 2011 v Hradci Králové. Brno: 2012, s. 1 – 13. ISBN 978-80-7399-199-9.

- КОРИНА, Н. Б. и кол.: Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка. Nitra: FF UKF v Nitre 2014. 204 s. ISBN 978-80-558-0702-7.
- КУБРЯКОВА, Е.: Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков. In: Вопросы филологии, 2001, № 1, с. 8 – 17. ISSN 1562-1391.
- KRALČÁK, Ľ. a kol.: Ľudovít Štúr. Jazykovedné dielo. Nitra: UKF v Nitre 2014. 584 s. ISBN 978-80-558-0725-6.
- KRÁLIK, Ľ.: Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: VEDA Vydavateľstvo SAV 2015. 704 s. ISBN 978-80-224-1493-7.
- KRÁTKY SLOVNÍK SLOVENSKÉHO JAZYKA. Red. J. Kačala – M. Pisárčiková. Bratislava: Veda – Vydavateľstvo slovenskej akadémie vied 1987. 592 s. Bez ISBN.
- LAKOFF, G. – JOHNSON, M.: Metafory, kterými žijeme. Překlad a doslov M. Čejka. Brno: Host 2002. 280 s. ISBN 80-7294-071-6.
- LAKOFF, G.: Ženy, oheň a nebezpečné věci. Co kategorie vypovídají o naší mysli. Překlad a doslov D. Lukeš. Praha: Triáda 2006. 656 s. ISBN 80-86138-78-X.
- REJZEK, J.: Český etymologický slovník. Voznice: Leda 2001. 752s. ISBN 80-85927-85-3.
- Slovník slovenského jazyka I. Red. Š. Peciar. Bratislava: VEDA Vydavateľstvo slovenskej akadémie vied 1959. 812 s. Bez ISBN.
- Slovník slovenského jazyka II. Red. Š. Peciar. Bratislava: VEDA Vydavateľstvo slovenskej akadémie vied 1960. 648 s. Bez ISBN.
- Slovník slovenského jazyka IV. Red. Š. Peciar. Bratislava: VEDA Vydavateľstvo slovenskej akadémie vied 1964. 760 s. Bez ISBN.
- SOKOLOVÁ, J.: Spojka *kým* v sémantických a komunikačných súvislostiach. In Jazykovedný časopis, 2015, roč. 66, č. 1, s. 17 – 40. ISSN 1337-6853.
- SOKOLOVÁ, J.: Sémantika a pragmatika konštrukcií egoprezentácie. In: Slovenská reč, 2018, roč. 83, č. 3, s. 261 – 276. ISSN 1337-6853.
- ŠVECOVÁ, A. – GÁBRIŠ, T.: Dejiny štátu, správy a súdnictva na Slovensku. Plzeň: Vydavateľstvo a nakladateľstvo Aleš Čeněk, s. r. o. 2009. 414 s. ISBN 978-80-7380-161-8.

KONCEPT EGA, EGOCENTRIZMUS A JEHO KONCEPCIE Z ASPEKTU DIACHRÓNIE¹

Ján Gallo

Katedra rusistiky
Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)

CONCEPT OF EGO, EGOCENTRISM AND ITS CONCEPTIONS IN THE ASPECT OF DIACHRONIA

Abstract: The article deals with the issue of interpretation of concept ego as well as the egocentrism and its conceptions from the diachronic point of view. In the introduction it is discussed the anthropocentric paradigm accenting the role of human beings as the most important component of communication acts together with their speech. The general view on egocentrism and anthropocentrism in language is presented as well. In the first part there is given the definition of ego together with the linguistic, philosophical and psychological opinions on the concept of ego. In the second part there is explained the concept of egocentrism in language including several conceptions of both several famous world linguists together and one Slovak linguist. The article concludes with a summary of the problems investigated.

Keywords: anthropocentric conception, concept, ego, egocentric language conception, egocentrism, subjectivity

Úvod

Antropocentrická paradigma stavia na prvé miesto človeka, pričom jazyk považuje za hlavnú a zároveň dôležitú zložku charakteristickú pre človeka. Text, ktorého realizáciou sa artikuluje autorova idea a tvorivý zámer, predstavuje aktívny predmet kultúry. Podľa A. R. Bejsenbajeva „текст как духовное послание автора и есть текст культуры“ (Бейсенбаев, 2018, с. 101). V každom texte, viac či menej viditeľne a otvorene, je nevyhnutne explicitne prítomný alebo aspoň myslený či projektovaný hovoriaci (*ja*). Výpoveď sa chápe ako uvedomovaná nielen preto, že jej relevantné verbálne a syntaktické súčasti majú zodpovedajúci gramatický tvar, ale aj preto, že sa vzťahuje na hovoriaceho a vyjadruje zámer jeho prejavu.

Najdôležitejším komponentom rečového aktu je hovoriaci ako percipient produkovaného textu, bez ktorého reč nie je možné realizovať. Akákoľvek výpoveď vyjadruje určitú pozíciu hovoriaceho, a preto dôležitou

---

¹ Článok vznikol v rámci riešenia grantového projektu VEGA 1/0067/19 *Jazykové reflexie sociálnej egoprezentácie a adresácie*.

vlastnosťou prejavu/reči je jeho/jej viac či menej implicitne obsiahnutý egocentrizmus. Ten sa vo výpovedi reflektuje rôzne, ale vo všeobecnosti ho podľa A. R. Bejzenbajeva možno ponímať ako „эксплицитно или имплицитно выраженное присутствие говорящего в каждом коммуникативном акте“ (Бейсенбаев, 2018, с. 102). Subjektívnosť je založená na prítomnosti osoby ako zdroja, od ktorého pochádza správa ako predmet reči alebo hodnotenia. Vyjadrenie subjektívnosti a personálnosti treba vnímať ako prejav antropocentrizmu jazyka, ktorého podstatou je rozmanitá reflexia takej rozsiahlej referenčnej sféry, akou je človek – osoba. Pomocou jazyka teda život reflektujeme, ale neopisujeme, pretože opis je len jednou z foriem jazykového odrazu sveta. Jazyk je sprostredkovateľom pri riešení základných otázok reflexie, refrakcie a interpretácie sveta v ľudskom myslení a vedomí. G. Flaubert v práci *Slovník přejatých myšlenek* (1967) tvrdí, že autor musí byť prítomný všade, ale nikde nesmie byť viditeľný. Jednou z výhod takéhoto obrazu je to, že autor nie je vyňatý z udalostí zobrazovaných v čase.

V lingvistických vedách sú široko zastúpené rôzne názory na koncepciu egocentrizmu. Ide napríklad o názory B. Russella, R. Jakobsona, E. Benvenistu, J. S. Stepanova, ktoré boli skúmané a publikované v štúdiách M. A. Atakulovej (2006), D. D. Gergokajevovej (2008), A. M. Kamkoševa (2010) a i.

V lingvistike bola aktualizácia antropologického smerovania tým metodologickým základom, ktorý viedol k rozšíreniu a prehĺbeniu názorov na problematiku *človek v jazyku* a formovaniu teórie jazykového egocentrizmu s jej centrálnym konceptom *ja*.

V článku interpretujeme jeden z javov antropologickej paradigmy jazyka – kategóriu egocentrizmu (egocentrickú koncepciu jazyka). V ostatnom období daný fenomén intenzívne priťahuje pozornosť odborníkov z rôznych vedných oblastí, akými sú kulturológia, kultúrna antropológia, psycholingvistika, lingvokulturológia, etnolingvistika, sociológia a sociálna filozofia. Napriek tomu, že obsah prác z uvedených rôznych oblastí je nepochybne odlišný, všetky spája to, že skúmajú sociálne správanie človeka v rôznych situáciách a životne dôležitých činnostiach. Okrem toho stále väčší záujem o problematiku egoprezentácie autora v texte v 21. storočí (porov. Sokolová, 2018), ako aj tému autoreferencie (porov. Kesselová, 2018) možno (podľa nášho názoru) vysvetliť nielen zintenzívnením interkultúrnej komunikácie v kontexte globalizácie, ale aj uvedomením si jej úlohy v životnom účinkovaní jednotlivca ako obligatórneho komponentu v celom živote človeka. Práve takýto široký prístup k definícii pojmu egocentrizmus umožňuje pochopiť jeho podstatu, určiť systém psychologických kategórií, ktoré odhaľujú jeho obsah a jeho psychologické determinanty.

V článku vysvetľujeme ponímanie konceptu *ego*, analyzujeme a vyčleňujeme osobitosti jednotlivých egocentrických koncepcií jazyka.

1. Koncept ega

Egocentrická koncepcia jazyka úzko súvisí s jeho antropocentrickou podstatou a v prvom rade orientuje jazyk na subjekt reči – na jeho *ja* (*ego*).

Ego (*ja*) predstavuje jeden z najzložitejších a najjednoduchších konceptov v systéme poznatkov o človeku. Tento pojem sa do lingvistiky dostal z filozofie a psychológie, kde bol dlho v centre pozornosti bádateľov. Vo filozofii vznikla veľká rozmanitosť názorov na koncept *ja* alebo *ego*. Všetky filozofické interpretácie sa však zhodujú v tom, že každý z nás reprezentuje *ja* alebo mysliacu bytosť a že všetky naše psychické stavy sú tiež stavmi tohto *ja*, pričom každý z nás má istú znalosť svojho *ja* a jeho stavov. Toto ponímanie *ja* (*ega*) rozvinuli a spresnili viacerí autori z rôznych aspektov. Pre D. Huma, B. Russella, L. Wittgensteina *ja* predstavuje „пучок различных восприятий“ (in Кемеров, 1998, с. 86).

Každá oblasť vedy prináša vlastné chápanie *ja* (*ega*) a egocentrizmu, ktorý zahŕňa základné koncepty.

Vo filozofii 20. storočia bola stredobodom pozornosti myšlienka, že *ja* je ten, kto koná a spolu s týmto *ja* tvorí centrum poznania ten, kto má poznatky. *Ja* (*ego*, *self*) je predovšetkým osoba – agens. V druhom prípade *ja* je centrom iniciatívy alebo podstatou osoby, zdrojom jej aktívnej činnosti. Po tretie, môže ísť o duševné reprezentácie osoby, jej sebauvedomenie, jej predstavu o sebe. Vo všeobecnosti sa vo filozofii *ja* (*ego*) chápe, ako „непосредственно мне данная целостность моей индивидуальной жизни. Я воспринимаю себя как центр моего сознания, как то, кому принадлежат мои мысли, желания, переживания. В то же время я – это единство моей индивидуальной биографии, это то, что гарантирует мою самоидентичность. Наконец, я – это то, что управляет моим телом, это инстанция, обеспечивающая свободное принятие моих решений и несущая ответственность за их осуществление и последствия“ (Национальная философская энциклопедия, 2001).

V psychológii ide o trochu odlišné chápanie oproti filozofickému *ja* (*ego*) ako centra, jadra a podstaty človeka. V psychológii sa daný pojem spravidla používa na označenie realistických a racionálnych funkcií tej zložky osoby, ktorá prichádza do styku s vonkajším svetom a jeho praktickými požiadavkami, t. j. *ja* tvorí základ schopnosti ľudí riešiť problémy, vnímať, rozmýšľať.

V lingvistike sa pod *egom* myslí „(от лат. ego – я) – направленность на собственное я, то есть автор текста указывает на самого себя; обозначает себя как личность“ (Большой толковый словарь русского языка, 2000).

V antropocentrickej paradigme lingvistiky koncept *ego* (*ja*) súvisí s pojmom *subjekt*, ktorý sa vyzdvihuje na prvé miesto a jazyk sa považuje za jeho najdôležitejšiu vlastnosť. Ako poznamenáva E. Benveniste v práci *Občšaja lingvistika* subjektivita „*есть нечто иное, как проявление в человеке фундаментального свойства языка. Тот есть эго, кто говорит эго. Мы находим здесь самое основание субъективности, определяемой языковым статусом лица*“ (Бенвенист, 1974, с. 27).

J. Dolník v práci *Cudzosť – Jazyk – Spoločnosť* (2015) vymedzuje koncept ega ako „*dynamický komplex koherentných významov, hodnotení a hodnôt navodených sebainterpretáciami ako prostriedkom sebazáchovy*“ (Dolník, 2015, s. 153 – 154). Ako ďalej vysvetľuje autor „*ide o diferencované vzťahy medzi významami, ktoré vytvárajú integrovaný komplex (celok) tým, že sa časom ustálili, reprodukovujú sa a subjekt ich prežíva ako súčasť svojej identity*“ (ibid., s. 155). J. Dolník taktiež upriamuje pozornosť na to, že takéto vymedzenie konceptu ega „*zodpovedá intuitívnemu chápaniu ega, ktoré dávame najavo jazykovými reakciami, ako napríklad „Každý je citlivý na svoje ego“, „Dotkla sa jeho ega“, Ozvalo sa jeho ego“ a pod.*“ (ibid., s. 154). Autor v tejto súvislosti konštatuje, že „*ego je sebaobraz subjektu, ktorý vypovedá o tom, ako prežíva alebo si aj uvedomuje, čo znamenajú pre neho prvky, ktoré sa objavujú v jeho vnútornom svete, ako sa mu javia tieto prvky, ako aj vlastnosti seba samého i jeho miesto v sociálnej štruktúre z hľadiska jeho motivačného sveta*“ (ibid., s. 156).

2. Egocentrizmus a jeho koncepcie

Koncepcné pochopenie jazykového egocentrizmu a jeho bežné ponímanie v korelácii s egoizmom je v lingvistike obzvlášť zaujímavé. Pre egoistu svet pozostáva z dvoch častí: on je hlavný a svojím spôsobom jediný, pričom všetci ostatní sú *nie-ja*. Koncept jazykového egocentrizmu je založený na tejto bežnej opozícii *ja* voči všetkému, čo je definované ako *nie-ja*. Treba poznamenať, že pre egocentrickú teóriu jazyka je ústredný aj pojem *ja* (*ego*). Okrem toho, egocentrické pole jazyka je tvorené jazykovými jednotkami funkčne zameranými na subjekt reči, predovšetkým na jeho *ja*.

Pojem *jazykový egocentrizmus* sa v lingvistickom ponímaní vyskytuje v mnohých prácach a chápe sa buď v užšom alebo v širšom význame. Podľa V. Gurejeva jazykový egocentrizmus „*в широком смысле представляет собой взгляд на язык как результат эго творческой деятельности человека. В узком смысле он ориентирован на ситуацию речевого общения, на ее участников и их роли – с я как субъектом речевой деятельности и ориентирован на позицию наблюдателя*“ (Гуреев, 2005, с. 73).

V užšom význame venoval pozornosť jazykovému egocentrizmu aj K. Bühler, ktorý vyčleňoval „egocentrické“ a „topomnestické“ ukazovatele, t. j. také, ktoré sú zamerané na hovoriaceho a tiež ukazovatele zamerané na názvy miest (porov. Bühler, 1993, s. 132 – 135). Autor vytýčil zásadný rozdiel medzi poľom ukazovania v jazyku spojeným s deiktickými znakmi, ktorých funkcie sú badateľné len v komunikačnej situácii a poľom symbolov obsahujúcim denominatívne slová, funkcie ktorých sú v menšej miere závislé na ich vzťahu ku komunikačnej situácii a ktoré možno jasne interpretovať v kontexte syntaxe a lexikológie (ibid., s. 136 – 229).

Poznamenávame, že práve Bühlerov súradnicový systém subjektívnej orientácie je úzko spojený s vývojom teórie jazykového egocentrizmu. K. Bühler veril, že absolútne akákoľvek rečová udalosť alebo rečový prejav je charakteristický predovšetkým prítomnosťou samotného subjektu, t. j. odosielaťelom reči a subjektu percepcie reči, t. j. príjemcom. Po analýze rečového aktu ho K. Bühler definuje ako „сложное человеческое действие... Будучи участником этого действия, отправитель не только занимает определенное положение, но и выполняет роль отправителя, совершенно противоположную роль и получателя“ (Бюлер, 1993, с. 55). Takto sa odosielaťel prejavuje v rečovom akte, pričom poukazuje na seba ako *ja* a na adresáta ako na *ty*. Z tohto vyplýva, že zamená *ty* a *ja* K. Bühler považuje za ukazovacie slová.

Egocentrické slová, ktoré navrhol B. Russell, sa trochu líšia od ukazovacích slov K. Bühlera. Pod egocentrickými slovami B. Russell chápe tie slová, „значение которых изменяется с переменной говорящего и его положения во времени и пространстве“ (Рассел, 2000, с. 91). K hlavným egocentrickým súradniciam *ja – tu – teraz*, B. Russell taktiež zaraďuje *minulosť, prítomnosť a budúcnosť; bolo, je a bude, slovesné tvary*, ktoré zodpovedajú časovému zaradeniu dejov. *Tento a tamten* sú podľa neho taktiež egocentrické. To znamená, že k egocentrickým slovám B. Russell zaraďuje všetky ukazovacie zámená, význam ktorých závisí a mení sa na základe *ja*.

V širšom význame (bez terminologického označenia) po prvýkrát venoval pozornosť egocentrizmu, a tiež s ním spojenou opozíciou dvoch lexikálnych polí okrem F. Voppa aj W. von Humboldt. Pokiaľ ide o povahu koreňových slov, W. Humboldt vyčlenil spomedzi nich dve rôzne skupiny s nasledovným tvrdením: „Большинство слов имеет как бы повествовательную или описательную природу, обозначает движение, свойства и объекты сами по себе, безотносительно к какой бы то ни было предполагаемой личности; напротив, в других случаях как раз выражение последней или собственной отсылка к ней составляет главную сущность значения“ (Гумбольдт, 1984, с. 113). K takým slovám autor zaradil predovšetkým zámená, predložky a citoslovcia.

V. Humboldt nazval podmiennečne označené dva typy slov ako *objektívne* a *subjektívne korene* a poukázal na ich vlastnosti vo vzťahu k slovo tvorbe. Prvé sú schopné vystupovať ako odvodené od iných slov, druhé, ako tvrdí autor „очевидно отчеканены самим языком. Значение их не допускает никакой широты, а напротив, всегда являются выражением четкой индивидуальности; такое выражение было необходимо для говорящего, и оно в известной степени могло сохраниться вплоть до завершения процесса постепенного обогащения языка“ (там же, с. 115).

Neskôr lingvisti začali zaraďovať k tomu, čo má egocentrický charakter, aj gramatické kategórie sloviac, akými sú osoba, číslo a spôsob. A. M. Peškovskij ich nazýval *subjektívno-objektívne* (rus. *субъективно-объективные*), (porov. Peškovskij, 1956, s. 88 – 91), V. G. Admoni – *komunikačno-gramatické* (rus. *коммуникативно-грамматические*; porov. Admoni, 1955, s. 11 – 12) a A. V. Bondarko, podobne ako českí a slovenskí lingvisti – *aktualizované* (rus. *актуализационные*), spomedzi ktorých vyčleňujú *orientačné*, obsahujúce vo svojej sémantike vzťah k hovoriacemu ako referenčný bod na vyjadrenie časových a personálnych významov (porov. Bondarko, 1976, s. 50, 60). Koncepcia egocentrických gramatických kategórií je spojená s interpretáciou tzv. *posúvačov* (pohyblivých determinantov, od angl. shift – premiestnenie, presunutie). Vo svojej štúdii *Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb* ich interpretuje R. Jakobson ako kategórie charakterizujúce ohlasovanú skutočnosť a/alebo jej účastníkov vo vzťahu ku skutočnosti správy alebo k jej účastníkom (porov. Jakobson, 1972, s. 95 – 113). Za egocentrické gramatické kategórie R. Jakobson označuje kategórie osoby, času, spôsobu a evidenciality (angl. evidentiality; rus. *засвидетельствованность*); (termín v slov. pozri Ivanová, 2010). Posledné dve kategórie autor považoval za *posúvače*, pretože reflektujú pohľad hovoriaceho na povahu vzťahu medzi dejom a činiteľom deja alebo cieľom a na zdroj jeho informácií o oznamovanom (podľa terminológie A. V. Bondarka sú *neorientačné*, pretože nezahŕňajú hovoriaceho ako referenčný bod pri meraní vyjadrovaných vzťahov).

Veľký dôraz pripisoval egocentrizmu v jazyku E. Benveniste, ktorý mu venoval aj osobitnú štúdiu – *O subjektivnosti v jazyke* a niekoľko ďalších prác. Všetky sú spoločne publikované v časti práce *Obščaja lingvistika* pod názvom *Čelovek v jazyke* (porov. Benveniste, 1974). Pod subjektivitou v jazyku autor chápe „способность говорящего представлять себя в качестве «субъекта» «в том акте речи, где я обозначает говорящего», осознающего себя в противопоставлении другим“ (ibid., s. 293, 296). Toto videnie hovoriaceho ako subjektu sa prejavuje v kategóriách osoby v osobných zámenách a v iných druhoch zámen (ukazovacích), v príslovkách, prídavných menách, ktoré podľa E. Benvenistu združujú „пространственные и временные

отношения вокруг субъекта, принятого за ориентир: *это, здесь, теперь, завтра* и т. д., в категории времени, которая выражает время по отношению к акту речи, а также в перформативных глаголах, являющихся при употреблении одновременно актом выполнения действия говорящим «я»: *я обещаю, клянусь, гарантирую...*“ (ibid., s. 296 – 299).

Podľa koncepcie E. Benvenistu zámenná ako osobitná skupina ukazovacích jednotiek nadobúdajú úplne inú, novú interpretáciu. Pri identifikovaní statusu osobných zámenn sa E. Benveniste zameriava na osobitné postavenie osobného zámenn *ja*. Všetky deiktické ukazovatele, akými sú napríklad ukazovacie zámenná, prídavné mená, príslovky, ktoré v sebe zahrňujú časové a priestorové vzťahy okolo subjektu, sú podľa E. Benvenistu závislé od *ja*, jazykovej osobnosti a hovoriaceho, ktorý vypovedá v rámci daného aktu. Výpoveď, ktorá v sebe zahŕňa *ja*, patrí k tej úrovni jazyka, ktorú on definuje ako pragmatickú a ktorá taktiež obsahuje spolu so znakmi tie, kto ich používa. Absolútne každým rečovým aktom alebo výpoveďou sa pri použití mena odkazuje na konštantný a „objektívny“ pojem. Ale rečové akty, používané s *ja*, nepredstavujú všeobecnú triedu referencií, pretože objekt definovaný ako *ja*, s ktorým by tieto akty mohli byť identicky korelované, neexistuje (porov. Benveniste, 1974, s. 43). Podľa E. Benvenistu *ja* môže byť definované iba v rečovom akte a – ako ďalej pokračuje autor – *ja* znamená „человек, который производит данный речевой акт, содержащий я“ (ibid., s. 43). Preto *ja* nemožno identifikovať inak ako prostredníctvom rečového aktu, ktorý ho obsahuje. *Ja* platí iba v tom jedinečnom rečovom akte, v ktorom sa produkuje. A preto sa zovšeobecnené zámenn *ja* definuje nasledovne: *Ja* je jedinec, ktorý produkuje daný rečový akt obsahujúci akt produkcie jazykového tvaru *ja* (ibid., s. 43).

E. Benvenist ďalej tvrdí, že svoje osobné *ja* je možné spoznať iba v porovnaní a dodáva, že *ja* môžem použiť iba vtedy, ak niekoho, koho oslovím, sa objaví ako *ty*. Autor v tejto súvislosti uzatvára, že práve z dôvodu, keď sa každý rečník sám prezentuje ako subjekt, ktorý vo svojom prejave ukazuje na seba samého ako na *ja*, je možný jazyk (porov., ibid. s. 43).

Na tomto základe E. Benveniste zdôrazňuje, že zámenná majú svoje vlastné osobné charakteristiky a líšia sa od všetkých ostatných označení, ktoré sú vytvorené pomocou jazyka, takže nemôžu byť korelované ani s konceptom, ani s jednotlivcom. V dôsledku toho E. Benveniste poukazuje na skutočnosť, že «нет понятия «я», объемлющего все «я», произносимые в каждый момент всеми говорящими. «Я» не обозначает никакой лексической сущности. «Я» не соотносится как референт ни с каким определенным индивидом“ (ibid., s. 43). Autor poukazuje na odlišenie zámenn *ja* od všetkých ostatných označení a stotožňuje ho s kategóriou „prázdnych“ znakov bez referenčnej

korelácie s realitou. Tieto znaky sú podľa autora vždy pripravené na nové použitie a stávajú sa „úplnými“ znakmi, akonáhle ich hovoriaci prijme za svoje uvedením do plynulého rečového prejavu. E. Benveniste uzatvára, že „именно в акте речи, где «я» обозначает говорящего, последний и выражает себя в качестве субъекта“ (ibid., s. 43).

Vo svojej koncepcii o referenčných vlastnostiach zámen sa O. N. Seliverstová stotožňuje s názorom E. Benvenistu, že zámená sú znaky istého typu a že funkcie osobných zámen pozostávajú tak z poukázania na úlohu v rečovom prejave, ako aj z prezentovania rečníka alebo poslucháča ako jedinca vystupujúceho súčasne. O. N. Seliverstová však nepodporuje názor, že znaky *ja* a *ty* nemajú lexikálny význam. Autorka zdôrazňuje, že sémantická originalita zámena *ja* spočíva v tom, že toto zámeno „всегда показывает, что актанти ситуации представлен как личность, и эта личность тождественна самому говорящему“ (Селиверстова, 1988, с. 49).

Koncepcie reflexie princípu egocentrizmu v sémantickom systéme rozpracoval vo svojich prácach J. S. Stepanov, ktorý navrhol teóriu troch typov gramatickej abstrakcie: – nomináciu, predikáciu a lokáciu. Tie charakterizujú celý gramatický systém a prostredníctvom neho jazyk ako celok, pretože jazyk plní tri funkcie: „назвать и классифицировать (номинация), привести названное в связь друг с другом (предикация), локализовать названное и приведенное в связь в пространстве и времени (локация)“ (Степанов, 1975, с. 122). Pod gramatickou nomináciou J. S. Stepanov chápe klasifikácie nominálnych a slovesných tried slov, ktoré združuje ten-ktorý spoločný sémantický príznak (životné a neživotné podstatné mená, slovné druhy, slovesné vidy, nominálne triedy podstatných mien a i.). Pod predikáciou autor chápe „абстракцию связей между предметами (а также между признаками и действиями)“. Pod lokáciou autor rozumie „абстракцию отношений человека к месту и времени речи“, alebo inak – princíp *ja – tu – teraz* (ibid., s. 131, 136). Na základe toho sa rozlišujú nasledovné súradnice: a) súradnica *ja*, ktorá predstavuje základ kategórie slovesnej osoby a kategórií čísla (pri zovšeobecnení vzťahov *ja – my*), b) súradnica *tu* predstavujúca základ pre kategórie pádov a predložky a c) súradnica *teraz* pre kategórie slovesného času (ibid., s. 136 – 142).

Vysvetlíme súradnicu *tu* v interpretácii J. S. Stepanova, pretože môže vzniknúť pochybnosti vo vzťahu ku kategóriám pádov a predložkám. Táto súradnica tvorí základ prísloviek *tu, sem, odtiaľto – tam, tam, odtiaľ* a osobných zámen *ja, ty (tu) – on*. Rovnakým spôsobom vznikajú primárne, priestorové významy pádov (podľa lokalizačnej teórie pádov); *tu, tam (kde?)* – predložkový pád: *v lese*; *tu, tam (kam?)* – akuzatív: *do lesa*; *odtiaľto, odtiaľ* (odkiaľ?) genitív: *z lesa*; *akou cestou?* – inštrumentál: *šli lesom* (ibid., s. 139 – 141).

Pri zosumarizovaní svojich úvah o lokácii J. S. Stepanov poznamenáva: „Локация, или абстракция отношений, возникающих вокруг говорящего «Я» в акте речи как центрального ориентира, лежит в основе третьего типа, или класса, грамматических категорий: лицо, число, время, падеж, предлоги и наречия в грамматической функции, местоимения. Эти категории развиваются по мере метафорического смещения координат «я – здесь – сейчас» от актуальной точки (акта речи) к неактуальным (удаленным в пространстве и времени)“ (ibid., s. 142).

J. S. Stepanov, v zhode s K. Bühlerom, ku ktorým sa pridáva aj B. Russell, priraďujú súradnicu *ja – tu – teraz* k hlavnej egocentrickej súradnici. V danej triáde K. Bühler dominantné postavenie prideluje súradnici *ja*, pričom ďalšie dve sa viažu na danú súradnicu.

Nemôže ostať nepovšimnuté ani stanovisko A. V. Kravčenko, ktorý skúma egocentrickosť, deiktickosť a indexovosť v rámci teórie indexovosti (angl. *theory of indexicality*; rus. *теория указательности*), pričom poznamenáva, že „содержательное отличие дейксиса от эгоцентризма зачастую бывает очень трудно определить“ (Кравченко, 1992, с. 43). Slová *ja, ty, tento, тамten* A. V. Kravčenko nazýva egocentrické prvky, pretože interpretácia ich významu znamená zohľadnenie postavy rečníka: *ja som ten, kto teraz hovorí, ty si ten, ktorému hovorím, tento je blízky vo vzťahu k rečníkovi, тамten je vzdialený vo vzťahu k rečníkovi* atď. (ibid., s. 58). Porovnanie významov týchto slov ukazuje, že vytvárajú opozície podľa rôznych príznakov (*ja* a *ty*, na základe príznaku *odosielateľ-prijemca, tento* a *тамten* – na základe príznaku *blízky* a *daleký* a na základe symetrického významového príznaku *budúcnosť – minulosť*). A. V. Kravčenko sa domnieva, že «анализ значения эгоцентриков должен основываться на учете трех взаимосвязанных категорий – лица, места и времени» (ibid., s. 58).

Osobité zovšeobecnenie vývoja teórie jazykového egocentrizmu predstavuje článok V. A. Gurejeva *Jazykovej egocentrizm v novych paradigmach poznaniya*, v ktorom autor tvrdí, že „эгоцентрический подход с его базисным принципом эго, опирающийся на нерасторжимое единство двух основополагающих начал я в человеке – субъекта восприятия (наблюдателя) и субъекта речевой деятельности – имеет все основания стать ведущим в практике лингвистических исследований“ (Гуреев, 2004, с. 69).

J. Dolník sa v práci *Cudzosť – Jazyk – Spoločnosť* (2015) taktiež zmieňuje o problematike egocentrizmu v súvislosti s realizovaním *potenciálneho egocentrizmu prírody*, čo spája s evolúciou prírody, ktorá postupným formovaním „vytvárala bytosť nastavenú, orientovanú na to, aby spoznávala jej potenciálny jazyk a rozumela mu. Touto nastavenosťou, orientovanosťou je podriadená prírode a formovaná ako subjekt“ (Dolník, 2015, s. 150). Uvedenú

problematiku autor spája s človekom, ktorý ako súčasť prírody v nej prežíva a postupne si uvedomuje, že on sám je zdrojom príťažlivosti, priťahuje na seba pozornosť, t. j. je egocentricky založený, „objavil svoj egocentrizmus založený v príťažlivých silách pôsobiach v prírode, ktoré sa po tomto objave ukazujú ako egocentrizmus prírody“ (ibid., s. 151). J. Dolník v tejto súvislosti uzatvára, že „egocentrizmus je teda prirodzená (prírodou daná) základná orientácia (perspektivizácia) v percepčnej štrukturácii sveta: v centre je *ja*, ktoré priťahuje, čo je mimo neho“ (ibid., s. 151).

Záver

Na prvom mieste je podľa antropocentrickej paradigmy človek, pričom jazyk sa považuje za hlavnú konštitutívnu charakteristiku človeka, – za jeho najdôležitejšiu zložku. Ľudská inteligencia, podobne ako človek sám, je nemysliteľná bez jazyka a jazykových schopností ako schopností produkovať a vnímať reč. Ak by jazyk nezasahoval do všetkých myšlienkových procesov a ak by nebol schopný vytvárať nové duševné priestory, potom by človek neprekročil prah priameho pozorovateľa. Človek vytvára text, v ktorom pomocou jazykových prostriedkov reflektuje ľudské myšlienkové pochody, stavia možné svety, zachytáva v sebe dynamiku myslenia a spôsoby jej prezentácie.

Hlavnými zložkami egocentrickej koncepcie jazyka je jazyková osobnosť ako jednotlivec a diskurz ako rečový prejav, ktorý jednotlivec sám vytvoril. V tomto ohľade egocentrizmus definujeme ako vzťah diskurzu k jeho autorovi.

Egocentrizmus dávame do súvisu s konceptom *subjektívnosť*, čo znamená, že tento koncept zdôrazňuje aktuálnosť zamerania jazyka na subjekt reči, predovšetkým na jeho *ja* (*ego*).

V článku sme vychádzali z definície *ega* (*ja*) v zmysle jazyková osobnosť, hovoriaci, subjekt diskurzívnej činnosti a tiež z definície egocentrizmu ako vzťahu diskurzu k producentovi rečového prejavu – k hovoriacemu.

Osobné deiktiká zaujímajú prvé miesto v zozname štúdií pojednávajúcich o sústave zámen v rôznych jazykových systémoch. To svedčí o tom, že mnohí jazykovedci intuitívne cítia egocentrizmus zámennej sémantiky. Stotožňujeme sa s názorom M. A. Atakulovej, ktorá konštatuje, že „эгоцентризм наиболее явно и концентрированно представлен в системе значений личных местоимений“ (Атакулова, 2006, с. 14).

LITERATÚRA

- АТАКУЛОВА, М. А.: Эгоцентризм как категориальное значение лично-местоименной парадигмы в языке (на материале тюркских языков). Автореф. канд. филол. наук. Бишкек 2006. 22 с.
- БЕЙСЕМБАЕВ, А. Р.: Синтаксические экспликатеры эгоцентризма текста. In: *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, 2018, vol. 3, № 3, s. 101 – 106. ISSN 2470-1262.
- БЕНВЕНИСТ, Э.: Общая лингвистика. Москва: Прогресс 1974. 447 с. Без ISBN.
- БЕРЕСТНЕВ, Г. И.: Самосознание личности в зеркале языка: Автореф. дисс. док. филол. наук. Москва 2000. 20 с.
- Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт 2000. 1536 с. ISBN 5-7711-0015-3.
- БЮЛЕР, К.: Теория языка: Репрезентативная функция языка. Москва: Прогресс 1993. 501 с.
- DOLNÍK, J.: Egoingvistika. In: *Slovenská reč*, 2008, roč. 73, č. 5, s. 257 – 270. ISSN 0037-6981.
- DOLNÍK, J.: Sila jazyka. Bratislava: Kalligram 2012. 368 s. ISBN 978-80-8101-657-8.
- DOLNÍK, J. a kol.: Cudzosť – Jazyk – Spoločnosť. Bratislava: Iris 2015. 316 s. ISBN 978-80-8153-042-5.
- FLAUBERT, G.: Slovník přejatých myšlenek. Praha: Odeon 1967. 71 s. Bez ISBN.
- ГЕРКОКАЕВА, Д. Д.: Эгоцентризм лингвистического дискурса (на материале русского, английского, карачево-балкарского языков. Автореф. канд. филол. наук. Начальник: Изд-во КБГУ 2008. 25 с.
- ГУРЕЕВ, В. А.: Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания. In: *Вопросы языкознания*, 2004, 53, № 2, с. 57 – 67.
- ГУРЕЕВ, В. А.: Проблема субъективности в когнитивной лингвистике. In: *Изв. РАН. сер. Литературы и языка*, 2005, т. 64, № 1, с. 3 – 9.
- IVANOVÁ, M.: Epistemické funkcie evidenčných operátorov v slovenčine. In: *Vidy jazyka a jazykovedy. Zborník z medzinárodnej konferencie usporiadanej pri príležitosti životného jubilea Miloslavy Sokolovej*. M. Ološtiak – M. Ivanová – D. Slančová (eds.). Prešov: FF PU 2010, s. 145 – 154. Dostupné na: <http://www.pulib.sk/web/kniznica/elpub/dokument/Olostiak2/subor/14.pdf> [cit. 12.03.2019].
- ЯКОБСОН, Р. О.: Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. In: *Принципы типологического анализа языков различного строя*. Москва 1972, с. 95 – 113.
- КАМКОШЕВ, А. М.: Грамматические средства репрезентации эгоцентризма в кабардино-черкесском языке. Автореф. канд. филол. наук. Майкол 2010. 27 с.
- КЕМЕРОВ, В. Е.: *Философская энциклопедия*. Москва: Панпринт 1998. 237 s. ISBN 3-932173-35-X.
- KESSELOVÁ, J.: Implicitná a explicitná autoreferencia v dialógu. In: *Slovenská reč*, 2018, roč. 83, č. 1, s. 7 – 22. ISSN 0037-6981.
- КРАВЧЕНКО, А. В.: Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Деиктичность. Индексальность. Иркутск: Издательство Иркутского университета 1992. 212 с. ISBN 5-7430-0427-7.

- Национальная философская энциклопедия. 2001 [online] Режим доступа: <http://www.term.ru/dictionary/879/word/ja> [cit. 12.03.2019].
- РАССЕЛ, Б.: Человеческое познание: его сфера и границы. Москва: Терра – Книжный клуб; Республика 2000. 464 с. ISBN 5-300-02904-1.
- СЕЛИВЕРСТОВА, О. Н.: Местоимения в языке и речи. Москва: Наука 1988. 151 с. ISBN 5-02-010894-4.
- SOKOLOVÁ, J.: Egoprezentácia z aspektu my. In: Slavica Nitriensia, 2018a, roč. 7, č. 2, s. 35 – 49. ISSN 1338-7464.
- SOKOLOVÁ, J.: Sémantika a pragmatika konštrukcií egoprezentácie. In: Slovenská reč, 2018b, roč. 83, č. 3, s. 261 – 276. ISSN 1337-6853.
- СТЕПАНОВ, Ю. С.: Имена, предикаты, предложения. Москва: Наука 1981. 360 с. Без ISBN.

«Я Є» ЯК СПОСІБ САМОІДЕНТИФІКАЦІЇ БОГА В ТЕКСТІ СВЯЩЕННОГО ПИСАННЯ¹

Олена Кумеда

Кафедра української мови
Сумського державного педагогічного університету
імені А. С. Макаренка (Україна)

Katedra rusistiky
Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)

«I AM» AS A WAY OF SELF-IDENTIFICATION OF GOD IN THE TEXT OF THE SACRED SCRIPTURE

Abstract: The proposed study highlights the linguistic means of self-presentation of the Personality of the Creator in a rather broad plane, namely, God and His creations. Particular attention is paid to the analysis of the self-determination of the Lord reflected in the Old Testament – «I am what is» – as the main name of God in the biblical text; a comparative analysis of the verbalization of this name, as well as other self-titles of God by means of the original Old-Hebrew language and the languages of translation, in particular, the Ancient Greek, Ukrainian, Slovak, Russian, was carried out. The material of the observation was, first of all, the Ukrainian-language translation of the Bible, performed by I. Ogienko.

Keywords: main name, translation, Sacred Scripture, self-identification, Old Hebrew language, original text, tetragrammaton

Упродовж багатьох століть текст Священного Писання залишається в епіцентрі уваги богословів – як унікальне Слово Бога, звернене до людини. Так само, як і теологи, лінгвісти намагаються осмислити й розтлумачити Священні тексти, що йменуються нині Біблією. Чільне місце в царині української біблійної філології посідає доробок видатного церковного діяча і вченого Івана Огієнка (митрополита Іларіона), зокрема його тлумачення (переклад) біблійного тексту українською мовою, визнаного сучасниками епохальною науковою працею². І, як будь-яка

---

¹ Štúdiá vznikla v rámci riešenia grantového projektu VEGA 1/0067/19 *Jazykové reflexie sociálnej egoprezentácie a adresácie*.

² Названа вище наукова праця І. Огієнка увійшла в історію українського й світового біблієзнавства під назвою «Біблія, або Книги Святого Письма Старого

праця такого рівня, текст Біблії в перекладі І. Огієнка не втратив своєї актуальності в координатах сьогодення: «формує джерельну базу так званого «Біблійного СУМ», комп'ютерної лексикографічної системи... нового академічного «Словника української мови» у 20-ти томах» (Дзера, 2014, с. 219) тощо. Отже, не випадково саме цей випробуваний часом переклад (найчастіше цитований і запитаний) став матеріалом нашого дослідження, метою якого є оприявлення мовних засобів самопрезентації Особистості Творця в досить широкій площині, а саме: Бог та Його творіння.

Загальновідомо, що Бог Сам свідчив людям про Себе, і це свідчення міститься в книгах Священного Писання, зокрема, у біблійних текстах зафіксовано окремі висловлювання й визначення, які допомагають зрозуміти те, що Бог повідав людям про Себе. Так, у книзі пророка Осії ми натрапляємо на таке визначення Бога: «... Бог Я, а не людина...» (Ос. 11:9). Коли Бог, який має розум і волю, що переконливо засвідчує Біблія, не є людиною, то, закономірно, Він – істота іншого рівня, яка відповідно до Своєї природи перебуває поза нашим світом. Він, як часто висловлюються філософи й теологи, трансцендентний по відношенню до світу. Цю трансцендентність, тобто природну відмінність Бога від фізичного світу, у біблійному тексті відбито словом Дух – «Бог є дух». Згаданий пророк Осія, віщаючи від імені Бога й звертаючись до вибраного народу, говорить: «... Бог Я, а не людина, серед тебе Святий...» (Ос. 11:9). Бог Сам так визначає Себе, і це вказує на те, що святість – одне з найважливіших визначень Бога.

У Книзі Вихід (Вих. 3:14)³ Бог говорить про Себе⁴: «Я той, що є» (у давньоєврейському оригіналі – **אֲנִי אֶהְיֶה אֲשֶׁר אֶהְיֶה** [eh'ye asher

---

й Нового Заповіту із мови давньоєврейської й грецької на українську дослівно наново перекладена» (Біблія, 2002), причому самого автора перекладу в 1953 р. відзначено спеціальною медаллю королеви Англії Єлизавети II, до того ж обрано «почесним дожиттєвим членом» Біблійного і закордонного Біблійного товариства (М. Тимошик. Митрополит Іларіон (Іван Огієнко) і українське відродження: <http://national.org.ua/library/ohijenko.html>; М. Тимошик. Як Святе Письмо ставало українським: <http://slovoprosvity.org/2018/04/26/yak-svyate-pysmo-stavalo-ukrajinskym/>).

³ Тут і далі цитуємо за БКСП; скорочення в дужках – це скорочені назви книг Священного Писання, де перша цифра – номер розділу, друга – номер вірша.

⁴ Богоявлення відбулося за дивовижних умов – у неопалимій купині Мойсей побачив «Ангела Господня», але говорив з Мойсеєм Господь, а не ангел: «І явився йому Ангел Господній у полум'ї огняному з-посеред тернового куща. І побачив він, що та тернина горить огнем, але не згорає куш... І побачив

ehÿe]⁵), що богослови трактують як своєрідну формулу, яка засвідчує небажання дати пряму відповідь; граматичну конструкцію такого стибу – *idem per idem* «те саме через те саме», – неодноразово відбиту в гебрайському тексті Біблії, дослідники здебільшого витлумачують як втілення абсолютної свободи й автономності Бога⁶. Тобто можна припустити, що йдеться одночасно й про одкровення Бога щодо свого Свого імені, і вказівку на те, що воно невимовне: у людській мові не існує слова, яким би можна було іменувати Бога, тобто якогось всеохопного символу, що цілком і повністю оприявнює його носія, оскільки Божа сутність – незбагненна, апофатична⁷.

Отже, з такої логіки випливає, що Бога не можна класифікувати – Він просто є, незалежно від суперечок щодо Його існування, Він – самé визначення існування! Однак, звернімо увагу, першу відповідь Бога («**Я той, що є**» – יהוה אשר יהוה [ehÿe asher ehÿe], уточнює друга Його відповідь: «**Отак скажеш Ізраїлевим синам: Суций (יהוה – Я-є [ehÿe])** послав мене до вас» (Вих. 3:14); пор. переклад І. Хоменка: «Я-є послав мене до вас» (СП, 1963); переклад словацькою: «*Ja-som*» *ta poslal k vám*)» (SP, 1995, с. 133); а одразу за нею – третя: «**Отак скажи Ізраїлевим синам: Господь (יהוה – Яхве⁸)** Бог батьків ваших, Бог Авраама, Бог Ісаака й Бог Якова послав мене до вас. А оце Ім'я Моє навіки, і це пам'ять про Мене з роду в рід»

Господь, що він зійшов подивитися. І кликнув до нього Бог з-посеред тієї тернини...» (Вих. 3:2, 4).

⁵ За даними Православної енциклопедії: <http://www.pravenc.ru/>.

⁶ Дві найближчі паралелі бачимо в тій самій книзі Старого Заповіту: «*І Він промовив: Я переведу все добро Своє перед тобою, і покличу **Господнім Ім'ям** [Яхве] перед тобою. І Я помилую, до кого милостивий, і змилюсерджуся, до кого милосердний»* (Вих. 33:19).

⁷ Саме таке розуміння יהוה אשר יהוה лежить в основі українізованого старослов'янського перекладу: «*Аз есмь еже есмь... сыймя посла к вам*» (Острозька Біблія, 1581), українських перекладів І. Огієнка та І. Хоменка («*Я той, що є*» – БКСП, 1962; «*Я той, хто є*» – СП, 1963); сучасних перекладів іншими європейськими мовами: словацькою («*Ja som, ktorý som*» – SP, 1995); російською («*Я есть Тот, Кто есть*» – Російське Біблійне Товариство, 2011); англійською («*I am who I am*» – New Revised Standart, 1989). Онтологічне розуміння відбито в першому перекладі Старого Заповіту старогрецькою: *ἐγὼ εἰμί ὁ ὢν* (Переклад LXX, або Септуаґінта); англійський переклад Септуаґінти: «*I am THE BEING*» (Л. Брентон, 1851); синодальний переклад російською мовою: «*Я есмь Суций*» (Біблія, 1994) та ін. У своєму дослідженні схилиємося до апофатичного напрямку в розумінні старогрецького יהוה אשר יהוה (Вих. 3:14).

⁸ Прочитання *yahwē* (Яхве) – забороненого для вимови Імені у старогрецькій й відбитого в ній чотирма літерами יהוה – науковці встановили тільки

(Вих. 3:15); пор. переклад І. Хоменка: «**Господь** Бог батьків ваших» (СП, 1963); переклад словацькою: «**Pán, Boh vašich otcov...**» (SP, 1995, с. 133). У такий спосіб ужита в першій відповіді дієслівна форма יהיֶה [ehÿe] (**Я є**) у другій відповіді зазнає граматичної інтерпретації, перевтілюючись з дієслова на власне ім'я Я-є [ehÿe]; у третій відповіді щойно утворене ім'я Ehÿe (יהיֶה – Я-є) замінюється ім'ям **Господь** (יהוה – Яхве). Ця заміна супроводжується грою слів: ім'я **Господь** (יהוה – Яхве) співзвучне дієслівній формі יהיֶה (ihÿe – Він є); можна навіть припустити походження імені **Яхве** від більш архаїчного варіанта цієї дієслівної форми. У будь-якому разі, на думку М. Селезньова, перехід від імені Ehÿe (יהיֶה – Я-є) до імені יהוה (**Яхве**) у Вих. 3:14–15 цілком логічний: Того, Хто Сам про Себе говорить у 1-й особі – Я-є (יהיֶה – Ehÿe), люди йменують у 3-й особі – Він-є (יהוה / יהיֶה – Ihÿe / Яхве) (Селезньов, 2017, с. 166).

Взагалі в гебраїстів немає сумнівів, що ім'я Бога יהוה похідне від кореня ה'ה (haÿa) «бути», причому в тлумаченні раввінів потрібне вживання слова відбиває три часи (минулий, теперішній і майбутній): *Він був – Він є – Він завжди буде*⁹. Однак специфіка вживання дієслова *бути* в гебраїській вимагає лінгвістичного коментаря.

В івриті дієслово *бути* уживається тільки у формах минулого та майбутнього часу, отже, не має форми теперішнього часу – є. Зокрема, цією мовою можна побудувати конструкції на зразок «**Я був** голодний», «**Я буду** голодний» і «**Я голодний**», але не «**Я є** голодний». Тож можна припустити, що в івриті, яким і написано Старий Заповіт, теперішній час дієслова *бути* зарезервовано винятково для сакрального мовокористування – мовних потреб Самого Творця: тільки Він може сказати «Я є». Вірогідно, таке розуміння, дає змогу якщо не досягнути всю семантичну парадигму імені יהוה (**Яхве**), то принаймні означити орієнтири його експлікації.

З іншого боку, треба мати на увазі таку цікаву особливість дієслівних форм у біблійному івриті: маючи граматичне значення майбутнього часу для нас сьогодні, вони часто позначають минулий час, і навпаки, прощого зазвичай відбито так, що для сучасного носія івриту дія відбувається в минулому, однак насправді йдеться про майбутнє. У координатах Священного Писання час як такий (фізична величина) і час дієслова (граматична категорія) не можна кваліфікувати однозначно через те, що Автор біблійного тексту (виходячи зі свідчень самого тексту) існує

в сер. XIX ст.; тетраграматон (чотири букви івриту: ה «he» ו «vov» («вав») ה «he» ם «йод») у латинській транслітерації фіксується зліва направо – **YHWH**.

⁹ За даними Православної енциклопедії: <http://www.pravenc.ru/>; Електронної єврейської енциклопедії: <https://eleven.co.il/judaism/theology/10682/#06>.

безвідносно до часу: Він може дати пророцтво про майбутні події так, наче вони вже відбулися, і водночас – відтворити минулу подію в такий спосіб, що розповідь буде указувати на подію в майбутньому¹⁰. Отже, своєрідну граматику сакрального тексту підпорядковано позачасовій (й додамо, позапросторовій) природі Творця тексту.

З огляду на сказане вище, не дивно, що відбите в оригінальному тексті – יהוה אֶשְׂרָא אֶשְׂרָא (Вих. 3:14) – хоча й перекладається в теперішньому часі, однак у рецепції сучасного носія івриту ототожнюється з майбутнім часом: «Я буду Той, Котрий буду»¹¹; назагал же вжита у Вих. 3:14 видо-часова форма (імперфект) у гебрійській мові, попри пріоритетне для неї значення майбутнього часу, може мати значення й теперішнього, й майбутнього, й повторюваного минулого часу: «Я Той, Хто я є» / «Я буду Тим, Ким буду» / «Я бував Тим, Ким бував» (Селезньов, 2017, с. 171).

Самоочевидно, означений взаємозв'язок між часовими формами дієслова *бути* ілюструє духовну вічність, непроминальність Творця Всесвіту: Бог **є**, **був** і **завжди буде**; поза тим, як давно вже було зауважено равинами, і самі чотири літери імені יהוה (**Яхве**) – абревіація, що відбиває значення *Він був, Він є і Він буде*. А втім, як добре видно зі сказаного вище, етимологія священного імені יהוה (**Яхве**) становить великі труднощі для богословів і перекладачів: донині не видається можливим установити первісний зміст цього імені однозначно, адже навіть діакритичні знаки, додані пізніше для вокалізації цієї комбінації літер יהוה на позначення приголосних звуків, є гіпотетичними¹²; водночас, як уже було зауважено, у сучасній бібліїстиці прочитання *yahwē* (Яхве) є загальноприйнятим.

Загальновідомий факт, що, попри значну поширеність тетраграма-тона יהוה як власного імені Бога в старогебрійському оригіналі Старого

¹⁰ Так, персонажі, події, окремі предмети чи навіть деталі старозавітних історій – це не що інше, як прообрази новозавітних.

¹¹ В історії екзегези відомі переклади יהוה אֶשְׂרָא אֶשְׂרָא формою майбутнього часу, зокрема її фіксують грецькі версії старозаповітних книг Акілі (II ст. н.е.) і Теодотіона (сер. I ст. до н.е.), а також німецький переклад Мартіна Лютера (Селезньов, 2017, с. 171; Скобелев, 2009).

¹² Сучасний іврит репрезентує консонантний тип фонетичного письма, що є продовженням стародавньої гебрійської писемності; її, відповідно, характеризує відсутність графем для позначення голосних звуків – *алефбет* складається тільки з 22 приголосних. Тож правильне читання текстів, написаних у такий спосіб (без голосних), передавалося усно, принаймні до VI ст. н. е., коли єврейські вчені-масорети (від євр. «масара» – «передання») ввели систему діакритичних знаків на позначення голосних – так званий *некудот* (букв. *крапки*) (Шульга, 2002, с.102).

Заповіту¹³, його вимова, у зв'язку зі страхом порушити заповідь, була настільки утаємниченою, що зрештою правильну артикуляцію було втрачено¹⁴: під час читання Священного Писання יהוה замінювали словом יְהוָה – *Адонай* (дослівно перекладається у множині як «Мої Господи» та походить від *Адон* – господар) чи *Елохім* (*ель* – давнє семітське позначення бога), якщо ім'я *Адонай* передує יהוה (**Яхве**). Цю заміну задокументовано в перекладах старозаповітних текстів грецькою – *Κύριος* (Кюріос – букв. «Господар», «Пан»), оскільки і в подальшому перекладачі дотримувались цієї гебрайської традиції. Відбите в слов'янському варіанті Біблії *Господь* є відповідником гр. *Κύριος*, а слово *Бог* – гр. *θεός*. Останнє співвідноситься зі словом *ель*, яке в івриті може вживатися не тільки по відношенню до Єдиного Бога, а й у зв'язку з поганськими богами, а тому рідко фіксується в значенні власного імені Бога. Тож у біблійному івриті до *ель* додається певний артикль: *Ха-Ель* – «цей (справжній) Бог» (зокр.: Пс. 17:31, 33, 48; 56:3); іноді *ель* сполучається з яким-небудь епітетом, напр.: *Ель-еліон* – «Бог Всевишній» (Бут. 14:18); *Ель-олам* – «Вічний Бог» (Бут. 21:33); *Ель шаддай* – «Бог Всемогутній» (Бут. 17:1); у поєднанні зі словом *Бог* часто вживається онім-епітет *Саваот* (*Цваот*) – множина від гебрайського *цава* «військо» – *Бог воїнств*, можлива також сполука *Господь Саваот* (Іс. 51:15; 45:11 – 13); зазвичай *Саваот* символізує особливий зв'язок між Богом і народом Ізраїлю¹⁵.

Упродовж усього Старого Заповіту **Яхве** постійно ототожнюється з *Елохім* – «Бог, що відкривається Ізраїлю» – з тим Богом, Якого можуть іменувати й інші народи. Однак саме в імені **Яхве**, до того ж найбільш частотному за кількістю фіксацій в текстах Старого Заповіту, Бог відкриває Себе – якщо не Свою сутність, то принаймні Особистість. Твердження

¹³ В оригінальному тексті Біблії його відбито набагато частіше, ніж інші імена Бога, – близько 6027 разів (ЕЭ, с. 832).

¹⁴ Надзвичайна святість цього Імені, засвідчена й затверджена відповідними заповідями (Вих. 20:7; Повтор. закону 5:11), потягнула за собою вилучення його з повсякденного вжитку стародавніх гебреїв. Після повернення з вавилонського полону (не пізніше III ст. до н. е.) юдеї через благоговійний страх взагалі припинили вимовляти יהוה (Яхве), сприймаючи його як *nomem prorgium* (власне ім'я) Бога. Відтоді יהוה (Яхве) дозволялося вимовляти тільки раз на рік у таємній молитві первосвященника у *Святая святых* в Єрусалимському храмі. Правильна вимова יהוה стала надбанням небагатьох мудреців, а ті передавали її своїм учням раз на сім років, так що первісне прочитання тетраграма-тона поступово забулося (ЕЭ, с. 832).

¹⁵ За даними Православної енциклопедії: <http://www.pravenc.ru/>; Електронної єврейської енциклопедії: <https://eleven.co.il/judaism/theology/10682/#06>.

«Я той, що є» не кульмінація буттєвості, а її перевершення – «Той, хто змушує бути», «Той, що є причиною буття», чи «Абсолютне буття в Його повноті»¹⁶. У цьому оприявненні Бога впадає в очі стрижневе «Я», яке, надаючи Йому екзистенційності й персоналістичності, якраз увиразнює не Його буттєвий, а «понадбуттєвий» характер: єдина самодостатня причина буття цієї Особистості полягає в Ній Самій; Бог Сам визначає себе Собою ж і є «Самосуцим». Усі інші номінації, включно з *Ель* (Бог) + епітети, покликані для розкриття цього прихованого «Я» – оприявнення в діях.

Пропонуємо розглянути окремі приклади такої самоідентифікації Бога через відкриту персоналізацію – власне «Я» Бога в Його ж власному (авторському) тексті (яким є Священне Писання), адресованому людині.

Самоідентифікація Бога Отця через ім'я Бог + характеристика:
«... явився Господь Аврамові та й промовив до нього: **Я Бог Всемогутній!** Ходи перед лицем Моїм, і будь непорочний!» (Бут. 17:1);

через головне ім'я (іноді від 3-ї особи): «І говорив Бог до Мойсея, та й сказав йому: **Я Господь!**» (Вих. 6:2); «Отак скажеш Ізраїлевим сином: **Суций** послав мене до вас» (Вих. 3:14); «І пізнають єгиптяни, що **Я Господь...**» (Вих. 7:5); «Так сказав Господь: По цьому пізнаєш, що **Я Господь**: Ось я вдаю рю палицею, що в руці моїй, по воді, що в Річці, і вона зміниться на кров!» (Вих. 7:17); «... щоб ти знав, що **Я Господь** посеред землі!» (Вих. 8:18); «І ви будете знати, що **Я Господь!**» (Вих. 10:2); «**Я Господь**, оце Ймення Моє, і іншому слави Своєї не дам, ні хвали Своєї божкам» (Іс. 42:8);

через головне ім'я – на підтвердження непорушності обіцянки, у якості особистого підпису чи печатки: «І введу вас до того Краю, що про нього **Я** підняв був Свою руку, щоб дати його Авраамові, Ісакові та Якову. І **Я** дам його вам на спадщину. **Я Господь!**» (Вих. 6:8); «І перейду **Я** тієї ночі в єгипетським краї, і повбиваю в єгипетській землі кожного перворідного від людини аж до скотини. А над усіма єгипетськими богами вчиню **Я** суд. **Я Господь!**» (Вих. 12:12);

¹⁶ Таке потрактування власного імені Бога підтверджує весь святописемний текст: на відміну від релігійних книг Сходу, Біблія не містить теогонії, тобто немає жодного свідчення про походження Бога; згідно з Божественним Одкровенням, Бог є не тільки Творцем світу, Джерелом і Надавачем життя, але Промислителем, що підтримує буття творіння, «бо ми в Нім живемо, і рухаємось, і існуємо» (Дії 17:28). Однак цього замало, адже Бог Мойсея не тільки Творець, Автор – Він також Бог ревнитель (Вих. 20:5), який вимагає: «Хай не буде тобі інших богів передо Мною» (Вих. 20:3). Це заперечення інших богів – виклик усім відмінним релігіям – сучасним та древнім, також указівка на той факт, що всі сили і все буття зосереджено в одному Господеві.

через удокладнення головного Імені як втілення влади: «Я, Господь, говорив: Поправді кажу, оце зроблю всій цій злій громаді...» (Чис. 14:35);

через головне Ім'я або головне Ім'я + Бог / характеристика Бога – у формі особистого підпису чи печатки, доданої до заповіді, приписові людям: «Ви виконуватимете устави Мої, і будете додержувати постанови Мої, щоб ними ходити. Я Господь, Бог ваш!» (Лев. 18:4); «І будете додержувати постанов Моїх та уставів Моїх, що людина їх виконує й ними живе. Я Господь!» (Лев. 18:5); «Промовляй до всієї громади Ізраїлевих синів, та й скажеш їм: Будьте святі, бо святий Я, Господь, Бог ваш!» (Лев. 19:2); «Не будеш мститися, і не будеш ненавидіти синів свого народу. І будеш любити ближнього свого, як самого себе! Я Господь!» (Лев. 19:18); «І ви будете освячуватися, і будьте святі, бо Я Господь, Бог ваш!» (Лев. 20:7); «І ви будете освячуватися, і будьте святі, бо Я Господь, Бог ваш!» (Лев. 20:8);

через поєднання головного Імені з іншими іменами й характеристиками / діями щодо творіння (іноді від 3-ї особи): «І являвся Я Авраамові, Ісакові та Яковові Богом Всемогутнім, але Йменням Своїм Господь Я не дався їм пізнати» (Вих. 6:3); «І візьму вас Собі за народа, і буду вам Богом, і ви познаєте, що Я Господь, Бог ваш¹⁷, що виводить вас із-під тягарів Єгипту!» (Вих. 6:7); «Я Господь, Бог твій, що вивів тебе з єгипетського краю з дому рабства» (Вих. 20:2); «Не вклоняйся їм і не служи їм, бо Я Господь, Бог твій, Бог заздрісний, що карає за провину батьків на синах, на третіх і на четвертих поколіннях тих, хто ненавидить Мене, і що чинить милість тисячам поколінь тих, хто любить Мене, і хто держиться Моїх заповідей» (Вих. 20:5 – 6); «І познають вони, що Я Господь, їхній Бог, що вивів їх із єгипетського краю, щоб перебувати Мені серед них. Я Господь, їхній Бог!» (Вих. 29:46); «... щоб ви познали, що Я Господь, що освячує вас!» (Вихід 31:13); «І перейшов Господь перед лицем його, та й викликнув: Господь, Господь, Бог милосердний, і милостивий, довготерпеливий, і многомилостивий та правдивий, що дотримує милість для тисяч, що вибачає провину й переступ та гріх, та певне не вважає чистим винуватого, бо карає провину батьків на дітях, і на дітях дітей, і на третіх, і на четвертих поколіннях...» (Вих. 34:6 – 7); «Бо Я Господь, Бог ваш, і ви освятитесь, і будете святі, бо святий Я...»¹⁸ (Лев. 11:44);

¹⁷ Тут і далі підкресленню підлягали тільки опорні лексеми, переважно іменники і займенники (часто у функції сполучних слів), співвідносні з відповідними іменами Бога.

¹⁸ Наведений приклад прямої мови Бога сполучає два способи Його самопрезентації, причому другий, синтаксичний, вербалізує одне з ключових

«Бо **Я Господь**, що вивів вас із єгипетського краю, щоб бути для вас Богом. І будьте святі, бо святий Я» (Лев. 11:45); «Промовляй до Ізраїлевих синів, і скажеш їм: **Я Господь, Бог ваш!**» (Лев. 18:2); «Не бійся, ти Яковів черве, ти жменько Ізраїлева: **Я** тобі поможу, говорить Господь, і твій Викупитель Святий Ізраїлів!» (Іс. 41:14); «Так говорить Господь, твій Відкупитель, та Той, що тебе вформував від утроби: **Я, Господь, Той, Хто** чинить усе: Розтягнув **Я** Сам небо та землю втвердив... Хто ознаки ламає брехливим, і робить безглуздими чарівників, Хто з нічим мудреців відсилає, і їхні знання обертає в нерозум, Хто сповнює слово Свого раба, і виконує раду Своїх посланців, Хто Єрусалимові каже: Ти будеш заселений! а юдейським містам: Забудовані будете ви, а руїни його відбудую! Хто глибінні проказує: Висохни, а річки твої **Я** повисушую, Хто до Кіра говорить: Мій пастирю, і всяке Моє пожадання він виконає та Єрусалимові скаже: Збудований будеш! а храмові: Будеш закладений!» (Іс. 44:24 – 28); «Так говорить Господь, Святий Ізраїлів, і Той, Хто його вформував: Питайте Мене про майбутнє, а долю синів Моїх й чин Моїх рук позоставте Мені! **Я** землю вчинив і створив людину на ній, небеса **Я** руками Своїми простяг і про їхні зорі звелів. **Я** збудив його в правді, і зрівняю йому всі дороги. Він місто Моє побудує і відпустить вигнанців Моїх не за викуп і не за дарунка, говорить Господь Саваот» (Іс. 45:11 – 13); «**Я** не говорив в укритті, на темному місці землі. **Я** не говорив до насіння Якова: Шукаєте дармо Мене! **Я Господь**, говорю справедливість, звіщаю правдиве!» (Іс. 45:19); «Так говорить Господь, твій Відкупитель, Святий Ізраїлів: **Я Господь, Бог твій, що** навчає тебе про корисне, що провадить тебе по дорозі, якою ти маєш ходити» (Іс. 48:17); «Так говорить Господь, Відкупитель Ізраїлів, Святий його, до погордженого на душі, до обридженого від людей, до раба тих володарів: Побачать царі, і князі повстають, і поклоняться ради Господа, що вірний, ради Святого Ізраїлевого, що вибрав тебе» (Іс. 49:7); «... і ти пізнаєш, що **Я** то Господь, що не посоромляться ті, хто на Мене надіється!» (Іс. 49:23); «Бо Господь каже так... І пізнає тоді кожне тіло, що **Я** то Господь, твій Спаситель та твій Відкупитель, Потужний Яковів!» (Іс. 49:26); «Бо **Я Господь, Бог твій**, що збурює море, й ревуть його хвилі, Господь Саваот Йому Ймення!» (Іс. 51:15);

через головне ім'я шляхом риторичного запитання з подальшою відповіддю-ствердженням, що розкриває інші імена й характеристики Бога: «Розкажіть та наблизьте, і хай разом нарадяться: Хто розповів це віддавна, із давніх часів це звістив? Чи ж не **Я**, ваш Господь?

визначень Бога так, що воно зумовлює відповідну характеристику/дію людини: «**будьте святі, бо святий Я**».

Бож немає вже Бога, крім Мене, окрім Мене нема Бога праведного та Спасителя!» (Іс. 45:21);

від 3-ї особи через головне ім'я + Бог / інше ім'я + описове ім'я, що виражає посесивність: «Так сказав Господь, Бог Ізраїлів¹⁹: **Я** вивів вас із Єгипту, і випровадив вас із дому рабства» (Суд. 6:8); **Я** тобі поможу, говорить Господь, і твій Викупитель Святий Ізраїлів!» (Іс. 41:14); «Так говорить Господь, Святий Ізраїлів...» (Іс. 45:11 – 13); «Так говорить Господь, твій Відкупитель, Святий Ізраїлів...» (Іс. 48:17); «Так говорить Господь, Відкупитель Ізраїлів, Святий його... Побачать царі, і князі повстають, і поклоняться ради Господа, що вірний, ради Святого Ізраїлевого...» (Іс. 49: 7); «... **Я** то Господь, твій Спаситель та твій Відкупитель, Потужний Яковів!» (Іс. 49:26);

через конструкцію головне ім'я + Бог + описове ім'я (іноді від 3-ї особи), що шляхом оприявлення належності актуалізує не тільки спадковість, зв'язок поколінь вибраного народу, а й непроминальність людини²⁰ **як духу:** «Отак скажи Ізраїлевим синам: Господь, Бог батьків ваших, Бог Авраама, Бог Ісака й Бог Якова послав мене до вас. А оце ім'я Моє навіки, і це пам'ять про Мене з роду в рід» (Вих. 3:15); «... **Я** Господь, Бог Авраама, батька твого, і Бог Ісака. Земля, на якій ти лежиш, **Я** дам її тобі та нащадкам твоїм» (Бут. 28:13); «І сказав Господь до Мойсея: Устань рано вранці, і стань перед лицем фараоновим та й скажи йому: Отак сказав Господь, Бог євреїв: Відпусти Мій народ, і нехай вони служать Мені!» (Вих. 9:13);

синтаксичним способом + характеристика-наслідок у дії: «Але, як **Я** живий, слава Господня наповнить увесь оцей Край» (Чис. 14:21);

синтаксичним способом від 3-ї особи + очікуваний результат: «Скажи їм: Живий **Я**! Мова Господня: Поправді кажу, як ви говорили до ушей Моїх, так **Я** зроблю вам» (Чис. 14:21); «Здійми свої очі навколо й побач: всі вони позбиралися й йдуть ось до тебе! Як живий **Я**, говорить Господь: усіх їх, як оздобу, зодягнеш, та підв'яжешся ними, немов наречена» (Іс. 49:18);

шляхом антитези: «... бо Бог **Я**, а не людина, серед тебе Святий, і не прийду в люті гніву» (Ос. 11:9).

У тексті Нового Заповіту, написаного старогрецькою, ім'я *Κύριος* (Господь) застосовується по відношенню до Ісуса Христа, і цей онім

¹⁹ З наведених вище прикладів добре видно, що причетність Бога до Ізраїлю – одна з чільних, іманентних Йому характеристик.

²⁰ Засадничі старозаповітні положення підтверджує новозавітний біблійний текст: «А що мертві встають, то й Мойсей показав при куці, коли він назвав Господа Богом Авраамовим, і Богом Ісаковим, і Богом Якововим. Бог же не є Богом мертвих, а живих, бо всі в Нього живуть» (Лк. 20:37,38).

є ключовим у дослідженні особистості *Бога Сина*. Євангельська оповідь фіксує приклади Його самовизначення через ту саму конструкцію – $\acute{\epsilon}\gamma\omega\ \acute{\epsilon}\iota\mu\acute{\iota}$, якою перекладено старогейбрійське ה'יְהוָה [eh'ye] – **Я є**. Зокрема, $\acute{\epsilon}\gamma\omega\ \acute{\epsilon}\iota\mu\acute{\iota}$ відбито у відповіді Ісуса юдеям: «... *Поправді, поправді кажу вам: Перш, ніж був Авраам, Я є*» (Ів. 8:58). Прикметно, що само після такої карколомної самоідентифікації сина теслі (ним був Ісус в очах найближчого оточення) – ототожнення з вічним позачасовим **Я-є** – відповідь його опонентів була миттєво-радикальною: «... *схопили каміння вони, щоб кинути на Нього*» (Ів. 8:59). Не менш приголомшливий ефект мала конструкція $\acute{\epsilon}\gamma\omega\ \acute{\epsilon}\iota\mu\acute{\iota}$ (у слов'янському перекладі – *це я*), адресована Христом озброєним воякам, що прийшли взяти Його після зради Юди: «*А Ісус, усе відавши, що з Ним статися має, виходить та й каже до них: Кого ви шукаєте? Йому відповіли: Ісуса Назарянина. Він говорить до них: Це Я... А стояв із ними й Юда, що видав Його. І як тільки сказав їм: Це Я, вони подалися назад, та й на землю попадали... І Він знов запитав їх: Кого ви шукаєте? Вони ж відказали: Ісуса Назарянина. Ісус відповів: Я сказав вам, що це Я...*» (Ів. 18:4 – 8).

Цілком імовірно, що йдеться про нову віху одкровення трансцендентного й споконвічного **Я-є**: за обставин переходу на умови нового заповіту Господь відкривається через іншу Свою іпостась – *Бога Сина*, або ж так само безначальне «*Слово, що стало тілом і перебувало між нами*» (Ів. 1:1, 14). Підставою припущення про одкровення Отця через Сина в означений спосіб може слугувати відбите в тексті старозаповітного пророцтва יְהוָה (**Яхве**) – у якості імені Месії: «*Ось дні наступають, говорить Господь, і поставлю Давидові праведну Парость, і Цар зацарює, і буде Він мудрий, і правосуддя та правду в Краю запровадить. За днів Його Юда спасеться, Ізраїль же буде безпечний. А це Його Ймення, яким Його кликати будуть: Господь праведність наша*» (Єрем. 23:5 – 6). У світлі сказаного вербальну самопрезентацію Ісуса – $\acute{\epsilon}\gamma\omega\ \acute{\epsilon}\iota\mu\acute{\iota}$ – здійснено на законних підставах, її легалізовано й маніфестовано Отцем ще задовго до явлення Сина як Спасителя світу, статус Якого в той самий спосіб стверджено й у відомому діалозі Христа із самарянкою: «*Відказує жінка Йому: Я знаю, що прийде Месія, що зветься Христос, як Він прийде, то все розповість нам. Промовляє до неї Ісус: Це Я, що розмовляю з тобою...*» (Ів. 4:25 – 26).

Новозавітні тексти фіксують й інші форми вербалізації самоототожнення Бога Сина з Богом Отцем, однак зупинімося на тих, де старогрецькою відбито $\acute{\epsilon}\gamma\omega\ \acute{\epsilon}\iota\mu\acute{\iota}$ – **Я є**. Так, наприклад, Своє $\acute{\epsilon}\gamma\omega\ \acute{\epsilon}\iota\mu\acute{\iota}$ Бог Син оприявнює **через побутові алегорії, які віддзеркалюють зв'язок земного і небесного**: «**Я хліб життя**» (Ів. 6:35, 48); «**Я той хліб, що з неба зійшов**»

(Ів. 6:41); «**Я** двері: коли через Мене хто ввійде, спасеться, і той ввійде та вийде, і пасовисько знайде» (Ів. 10:9); «**Я** Пастир Добрий! Пастир добрий кладе життя власне за вівці» (Ів. 10:11);

через побутові алегорії, які віддзеркалюють взаємозв'язок Сина й Отця, Сина та тих, що увірували в Нього: «**Я** правдива Виноградина, а Отець Мій Виноградар» (Ів. 15:1); «**Я** Виноградина, ви галуззя!» (Ів. 15:5);

через абстрактні / філософські поняття, символи, співвідносні з вічним и вічністю: «**Я** Світло для світу» (Ів. 8:12); «**Я** воскресення й життя» (Ів. 11:25); «**Я** дорога, і правда, і життя» (Ів. 14:6); «**Я** Альфа й Омега, Початок і Кінець» (Об. 21:6); «**Я** Альфа й Омега, Перший і Останній, Початок і Кінець» (Об. 22: 13); «**Я** корінь і рід Давидів, зоря ясна і досвітня!» (Об. 22:16); «... **Я** Перший і Останній, Живий. І був **Я** мертвий, а ось **Я** Живий на вічні віки. І маю ключі **Я** від смерти й від аду» (Об. 22:16);

через дії по відношенню до людини: «І пізнають усі Церкви, що **Я** Той, Хто нирки й серця вивіряє, і **Я** кожному з вас дам за вчинками вашими» (Об. 2:23).

Подібну легальну самоідентифікацію Ісуса за Його земного життя – тільки вже через ім'я *Κύριος* – відбито в такому контексті: «А коли обмив ноги вам **Я, Господь** і *Вчитель*, то повинні й ви один одному ноги вмивати» (Ів. 13:14). Онім *Κύριος* в поєднанні з *Пантократор* (*Вседержитель*) фігурує в Об'явленні²¹ вже воскреслого Ісуса Христа («Первенця з мертвих»), «яке дав Йому Бог, щоб показати Своїм рабам, що незабаром статися має» (Об. 1:1) і яке містить *ἐγὼ εἶμι*: «**Я** Альфа й Омега, говорить *Господь*, Бог, Той, Хто є, і Хто був, і Хто має прийти, *Вседержитель*!» (Об. 1:8). Прикметно, що в цьому контексті (як і в наведених вище) *ἐγὼ εἶμι* репрезентовано через отожднення з «*Альфа й Омега*» – повнотою речей, яку уособлює *יהוה* (*Яхве*): «**Я, Господь, перший, і з останніми Я той же Самий!**» (Іс. 41:4); «**Так говорить Господь, Цар Ізраїлів та Викупитель його, Господь Саваот: Я перший, і Я останній, і Бога нема, окрім Мене!**» (Іс. 44:6); «**Це Я, Я перший, також Я останній!**» (Іс. 48:12).

Проаналізований мовний матеріал далеко не вичерпує весь реєстр способів та засобів самоідентифікації Бога, відбитих у тексті Священного Писання, однак й окреслений інструментарій дає уявлення про широту діапазону позірно лаконічного «Я є» й спонукає до подальших роздумів та студій у напрямку дослідження мовних самопрезентацій Самосущого в площині біблійного дискурсу.

²¹ Назва цього новозаповітного тексту в перекладі з гр. *αποκαλυψις* (апокаліпсис) буквально означає «розкриття» чи «виявлення».

ЛІТЕРАТУРА

- ДЗЕРА, О.: Історія українських перекладів Святого Письма. In: Іноземна філологія. Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка 2014. Вип. 127, ч. 2, с. 214 – 222. ISSN 2078-340X.
- СЕЛЕЗНЕВ, М.: Самоопределение Бога в Исх. 3:14: «Я есмь Сущий» или «Я Тот, кто Я есть»? Экзегеза современных интерпретаторов и грамматика древних текстов. In: Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 2017, № 4 (35), с. 162 – 186. ISSN 2073 – 7203 (print), 2073 – 7211 (online). Dostupné na internete: <http://www.religion.ranepa.ru/?q=ru/node/1593>.
- СКОБЕЛЕВ, М. А.: Значение переводов Акилы, Симмаха и Теодотиона для церковной экзегезы. In: XIX Ежегодная богословская конференция: Материалы. Т. 1. Москва: Изд-во ПСТГУ 2009, с. 170 – 176. ISSN печатной версии – 1991-640X. ISSN онлайн-версии – 2409-4692. Dostupné na internete: <http://pstgu.ru/download/1282644305.skobelev.pdf>.
- ШУЛЬГА, Е. Н.: Когнитивная герменевтика. Москва: ИФ РАН 2002. 237 с. ISBN 5-201-02083-6.
- ЕЭ: Еврейская энциклопедия. В 16 т. СПб.: «Общество для научных еврейских изданий» и «Издательство Брокгауз – Ефрон» 1906 – 1913, т. 14. 832 с. Bez ISBN. Dostupné na internete: <https://runivers.ru/bookreader/book206625/#page/372/mode/1up>.

ДЖЕРЕЛА

- БКСП: Біблія або книги Святого письма Старого й Нового Заповіту: Із мови давньоєврейської й грецької на українську дослівно наново перекладена. Пер. Іван Іванович Огієнко. Київ: Українське Біблійне Товариство 2002. 1375 с. ISBN 966-7136-21-3. Dostupné na internete: <https://www.bibleonline.ru/bible/ukr/>.
- БМСП: Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Москва: Российское библейское общество 1994. 1275 с. ISBN 5-85524-015-0.
- СП: Святе Письмо Старого та Нового Завіту. Пер. І. Хоменка. – Рим: Вид-во ОО. Василян 1963. 1422 с. Bez ISBN. Dostupné na internete: http://chtyvo.org.ua/authors/Khomenko_Ivan/Sviate_Pysmo_Staroho_ta_Novoho_Zavitu/.
- SP: SVĀTE PÍSMO Starého i Nového Zákona. Rím: Slovenský ústav svätého Cyrila a Metoda 1995. 2618 s. Bez ISBN.

СПОЛУЧУВАНІСТЬ СКЛАДНИХ ПРИКМЕТНИКІВ НА ПОЗНАЧЕННЯ ЗВУКОВИХ ЯКОСТЕЙ ПРЕДМЕТІВ З ІМЕННИКАМИ В УКРАЇНСЬКІЙ ПОЕТИЧНІЙ МОВІ ХХ СТОЛІТТЯ

Ольга Рудь

Кафедра української мови і літератури
Сумського державного педагогічного університету
імені А. С. Макаренка (Україна)

COMPATIBILITY OF COMPOUND ADJECTIVES, DENOTING THE SOUND QUALITY OF SUBJECT, WITH NOUNS IN UKRAINIAN POETIC SPEECH OF THE 20TH CENTURY

Abstract: In the article analysis of compatibility compound adjectives, denoting the quality of subject's sound, with nouns of different lexical and semantic groups. The area of compatibility of compound adjectives is determined, the degree of compatibility of compound adjectives with nouns is distinguished. There is a certain regularity in the compatibility of adjectives: adjectives with sound semantics are widely combined with the names of sound concepts. This regularity is incorporated in their semantics. Composites are also combined with the names of objects, natural phenomena, the names of temporal and abstract concepts. Different stylistic figures connecting of unexpected combination of an adjective with a noun.

Keywords: compatibility; the field of compatibility; compound adjectives; composites; compound adjectives denoting the sound quality of the subject; seme; degree of compatibility

Характеристика складних прикметників поетичної мови передбачає урахування їх сполучуваності, тобто здатності слова вступати в зв'язки з іншими словами (Кочерган, 1980, с. 28 – 29). Питання сполучуваності слів були предметом дослідження таких відомих мовознавців, як Н. Амосова, Л. Галій, П. Гребе, С. Кацнельсон, В. Левицький, М. Степанова, А. Уфимцева, Д. Шмельов та інші. Проблеми сполучуваності прикметників з іменниками розглядалися в наукових працях Л. Бистрової, О. Бондіної, Н. Капатрука, Т. Мизин, М. Шехтмана та інших, однак сполучуваність складних прикметників з іменниками в українській поетичній мові ХХ століття ще не була об'єктом дослідження.

Тому детальніше зупинимось на особливостях сполучуваності складних прикметників, зокрема композитів на позначення звукових якостей

предметів з іменниками в поетичних творах ХХ ст. Матеріалом для аналізу послужили поетичні збірки 87 поетів означеного періоду.

Сполучуваність є загальним і універсальним поняттям, вона двонаправлена: поєднуються один з одним різні класи слів і не визначається пріоритет лише за однією частиною мови або певний напрямок сполучення (Галій, 2011). Як зазначає О. Данилович, у сучасному мовознавстві визначають три типи сполучуваності: а) лексичну сполучуваність (на рівні окремого слова); б) семантичну сполучуваність (на рівні підкласу слів); в) синтаксичну сполучуваність (на рівні класу слів; Данилович, 2012, с. 207).

У синтаксичному сполученні слів відображаються реальні відношення предметів, явищ і їх властивостей. Наскільки стабільні поняття про ці зв'язки, настільки постійна й сполучуваність (Тимофеев, 1971, с. 24). Емоційність поетичного твору, тонке відчуття навколишньої дійсності зумовлюють пошуки своєрідних індивідуальних позначень явищ дійсності. Змінюються поняття, їх вираження – змінюється й лексико-синтаксична сполучуваність. І навпаки, зміна сполучуваності зумовлює зміну значення слова. Як слушно зауважував Ж. Вандрієс: «В усіх випадках значення слова визначається контекстом. Слово ми ставимо в оточення, що виявляє його значення кожен раз і на даний момент. Ніщо інше, а саме контекст, всупереч різноманітності значень даного слова, надає йому «особливого значення», ніщо інше, а саме контекст очищує слово від його колишніх значень, нагромаджених пам'яттю, і створює йому його актуальне значення» (цит. за Кочерган, 1980, с. 12).

Контекст, словесне оточення, ситуація, в якій слово як інтонаційна одиниця мови перетворюється в комунікативну, зумовлює здатність слова виявляти його семантичні відтінки. Про роль контексту в естетичному забарвленні слова, в розкритті його значення писав ще Л. Булаховський: «Слово, взяте ізольовано, більшою чи меншою мірою блідне, втрачає ту визначеність і виразність, яка властива йому в зв'язному мовленні, в контексті, і може бути поза його межами зовсім незрозумілим» (Булаховський, 1953, с. 29). Контекст, на думку мовознавця, «встановлює для нас важливу різницю – як саме вжите слово: в прямому (звичайному) значенні чи переносно (образно, фігурально)» (Булаховський, 1953, с. 29).

У поетичному словосполученні, що є мікротекстом для реалізації значення слова, здебільшого такого, якого в ізольованому вигляді воно не має, як правило, є лише поетичним, метафоричним один його компонент, головне (стрижневе, опорне) слово, що і надає метафоричного значення словосполученню в цілому. Лексичне значення головного слова впливає на значення залежного тією мірою, якою воно здатне визначити

можливий чи необхідний характер співвідношення відповідного явища з предметом.

Значення словосполучення, зокрема поетичного, значно багатше, ширше і глибше, ніж значення його складових компонентів. Як зауважує М. Кочерган: «У словосполученні відбувається специфікація значення, ... відбувається деяка зміна семного складу» (Кочерган, 1980, с. 24). Словосполучення допомагає досягнути семантичне багатство слова, виявити приховану, незвичну семантику.

Складні прикметники, уживані в досліджуваних текстах, належать до традиційної поетичної лексики. Поетичною традицією мотивується як вибір означення, так і вибір означуваного іменника. Як зазначає М. Кочерган, «сполучатися можуть слова, в яких є частковий збіг сем» (Кочерган, 1980, с. 34 – 35). Той самий прикметник може вільно поєднуватися з семантично різними іменниками, передаючи не лише безпосередні, об'єктивні ознаки предметів, а й характеризуючи предмет через метафорично осмислені, переносні ознаки. Залежно від ступеня семантичної мотивованості ознаки, остання може вказувати на безпосередню, об'єктивну, часто вживану ознаку предмета, або на віддалену, випадкову ознаку, в основі якої лежать метафоричні або метонімічні зв'язки.

Серед складних прикметників на позначення звукових якостей предметів виділяються дві групи, які позначають:

- 1) позбавленість чи обмеженість звучання: *тихий-тихий, легкошумний, тиходзвінкий* тощо;
- 2) насиченість звуків: *стоголосий, стозвучний, многошумний, многозвукій, повнозвукій* і под.

Прикметники першої групи характеризуються низькою частотою вживання у поетичній мові. Коло означуваних ними іменників обмежене. Композит *тихий-тихий* спостережений у поєднанні з іменниками *вода, дзвін, птиця*, напр.: «*І галичанки дивляться на вроду У тиху-тиху синювату воду*» (П. Воронько); «*Над нами ніч безнадійна... осіння. А там, десь в душах, день ясний без бур, весна, тепло і соняшне проміння, І тихий-тихий дзвін бандур*» (О. Олень); «*...Як на той час мовчала Синя Птиця, тихим-тиха, як місяць у криниці*» (С. Йовенко).

У досліджуваних текстах спостережені поодинокі випадки вживання прикметників *тиходзвінний* і *легкошумний*, що пояснюється їх індивідуально-авторським творенням. Прикметник *тиходзвінний* спостережений у сполученні з іменником *зірка* («*Немов і нині – перший день кохання. Захплений сузір'їв ритмом плинним, Полинув ти, щоб зірку тиходзвінну В гірську колибу внести на світанні*»; Н. Кащук), *легкошумний* – з іменником *день* («*Настала ніч по легкошумнім дні*»; М. Рильський).

Серед складних прикметників на позначення звукової наповненості найширше поле сполучуваності має композит *стоголосий*, який поєднується із семантично різними іменниками, що становлять такі лексико-семантичні групи: 1) назви звукових понять, дій, процесів: *голос, крик, оркестр, переклик, пісня, поклики, спів, стогін, сурми, щебет*; 2) назви явищ природи: *вітер, грім*; 3) назви особливостей рельєфу: *глибина, поле*; 4) назви дій і процесів: *битва*; 5) назви груп людей: *родина, юрба*; 6) назви рослин та їх скупчень: *діброва, пшениця*; 7) назви територій: *край*; 8) назви абстрактних понять: *дух*; 9) назви металу: *мідь*; 10) назви часових понять: *весна, осінь*. Розгалуженість прикметникової сполучуваності в значній мірі зумовлена різноманітністю семантичних відтінків композита.

Значення «який складається із ста або багатьох голосів» (СУМ, IX, с. 724) прикметник *стоголосий* реалізує у сполученні з іменником *стогін*: «Чом же *стоголосий* *Котився* *стогін* по ясній землі?» (М. Рильський). Словосполучення *стоголосий* *стогін* становить перший ступінь мотивованої сполучуваності композита, як і поєднання з іменником *голоси, крик, оркестр, переклик, пісня, поклики, спів, сурми, щебет* тощо (див. рис. 1), оскільки в цих іменниках, як і в самому прикметнику, закладена сема «звук».

Рис. 1. Поле сполучуваності прикметника *стоголосий*

Поєднуючись із іменниками звукової семантики, прикметник *стоголосий* виявляє всю свою семантичну багатоплановість. Так, у сполученні

з іменниками *юрби, поклики, переклики, крик* композит *стоголосий* виявляє значення «утворений багатьма голосами, звуками» (СУМ, IX, с. 724): *стоголосий крик, стоголосі переклики, стоголосі поклики*. Напр.: «...і всюди чують відгомін, і всюди стоголосий крик: нема! нема! нема Христа!» (Б. Бойчук); «Дуби і явори, берези й сосни, Струмків і рік переклик стоголосий, Поля, де колос клониться тяжкий, Сади в полях, мов пурпур огняний...» (М. Рильський).

Сполучаючись із іменником *пісня*, прикметник *стоголосий* не лише виражає значення «який виконується багатьма голосами» (СУМ, IX, с. 724). У поетичному контексті цей композит набуває нового значення відтінку – «дзвінкий»: «*Вітаю день осіннього приносу, Як оберну я в пісню стоголосу Свою – до краплі – силу молоду*» (Д. Павличко).

Реалізуючи значення «здатний утворювати цілу гаму звуків» (СУМ, IX, с. 724), прикметник *стоголосий* поєднується як із іменниками *сурми, голос, грім, юрба*, що становлять перший ступінь мотивованої сполучуваності, так і з іменниками другого ступеня – *пшениця, поле, мідь, вітри, юрба*, оскільки звукове значення вони виявляють лише за певних умов: *пшениця, поле* дзвенять всіма голосами від подиху вітру; лише сильний, швидкий вітер гуде *стоголосом*; лише від удару дзвенить *мідь* тощо. Напр.: «*Вітрив швидких від серця просимо: – Тут годі цілувати трави, На Україну стоголосими Полиньте, вільні та ласкаві...*» (О. Ющенко); «*На білу гречку впали роси, Веселі бджоли одгули, Замовкло поле стоголосе В обіймах золотої мли*» (М. Рильський); «*У теплий вечір міддю блисне просо, Медова гречка в тиші і в цвіту, Жита рясні, пшениця стоголоса Під небом гонить хвилю золоту*» (А. Малишко); «*Давно в минулім дні твоєї слави, І плаче дзвонів стоголоса мідь*» (М. Зеров).

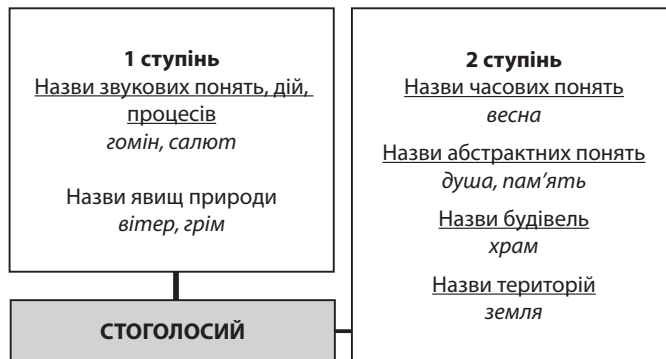
Другий ступінь мотивованої сполучуваності становлять іменники – назви дій і процесів (*битва*), назви груп людей (*родина, юрба*), рослин і їх скупчень (*дїброва*), назви часових понять (*весна, осінь*), оскільки їх звукова ознака деталізується лише в поетичному контексті: «*Де солов'їний сад у росах, І грому літнього стовпи Колишуть землю в зливах косих, В дїбровах шумних стоголосих, Всю – до найменшої тропи, Де в блискавках багрянокосих Пшеничні піняться степи*» (А. Малишко); «*Я пізнаю тебе, тебе я знаю, Мій любий, рідний, стоголосий краю!*» (М. Рильський); «*Його кличе срібна коса, Кличе глибін стоголоса, Кличе втомлена душа!*» (В. Пачовський). У сполученні з цими іменниками *стоголосий* виявляє значення «сповнений багатьма голосами, звуками» (СУМ, IX, с. 724).

Значення «галасливий, гомінкий» (СУМ, IX, с. 724) прикметник *стоголосий* реалізує у сполученні з іменником *духи*, який семантично віддалений від композита, пор.: «*Це я, це духи стоголосі, мої брати найменші...*»

(В. Стус). Словосполучення *стоголосі духи* становить третій ступінь мотивованої сполучуваності.

У поетичній мові зафіксовано вживання семантично близьких складних прикметників *стозвукий* і *стозвучний*, які поєднуються з іменниками – назвами звукових (*гомін, салют*), часових (*весна*) та абстрактних понять (*душа, пам'ять*), з назвами будівель (*храм*) та територіальних понять (*земля*; див. рис. 2).

Рис. 2. Поле сполучуваності прикметника **стозвукий**

Поєднання складних прикметників із іменниками *гомін, салют*, які становлять перший ступінь мотивованої сполучуваності композитів, обґрунтовується спільною семою «звук». У сполученні з іменниками – назвами звукових понять аналізовані прикметники реалізують значення «утворений багатьма звуками, голосами» (СУМ, IX, с. 725), пор.: «*Стозвучним гомоном твоїм сад лунає дзвінко, Гудінням тихим бджіл і шумом верховіть*» (М. Бажан); «*І слово вітання всім людям розкутим Гримить над світами стозвуком салютом*» (М. Рильський).

Значення «сповнений багатьма звуками, голосами» (СУМ, IX, с. 725) прикметники *стозвукий* і *стозвучний* виявляють у поєднанні з іменником *весна, душа, пам'ять, храм, земля*, які утворюють другий ступінь мотивованої сполучуваності. Доцільність сполучення композитів *стозвукий, стозвучний* із семантично різними іменниками пояснюється контекстом, напр.: «*А потім – тиша чорна залягла, І жоден звук стозвукої землі Не міг крізь неї променем пробитись*» (М. Рильський); «*Вчорашню пустку перетворим Ми у людський стозвучний храм!*» (М. Рильський); «*Остання грудка впала. Вже – нема. Вже ви лише у пам'яті стозвукий, Заломить руки в сотий раз сурма В моїй душі під цей морозний стукіт*» (І. Драч).

Поле сполучуваності складного прикметника *дзвінкоголосий* складається із двох ступенів. Перший ступінь мотивованої сполучуваності утворюють іменники – назви істот (*брати, син, журавлі*), у поєднанні з якими композит *дзвінкоголосий* виявляє значення «який дає дзвінкий голос» (SUM, II, с. 265). Словосполучення *дзвінкоголосі брати, дзвінкоголосий син, дзвінкоголосі журавлі* вживаються у таких поетичних рядках: «*Брати дзвінкоголосі, до мети, Співаючи, я годен з вами йти*» (Д. Павличко); «*Минає літо, серпень одплива В просмолених човнах, дзвінкі жнива Одколихали в спілому колосі, І журавлі бринять дзвінкоголосі, Їх кличе даль прозоро-вітрова*» (А. Малишко); «*Звідки ж прізвисько взялося, Причепилося до Ярка? Ріс меткий, дзвінкоголосий Син у теслі Корчака*» (П. Воронько).

Словосполучення *дзвінкоголосі розмови, дзвінкоголосий сміх* утворюють другий ступінь мотивованої сполучуваності. Композит *дзвінкоголосий* виявляє значення «утворений дзвінками голосами», яке у Словнику української мови не фіксується, напр.: «*Ясна, як мармури Пароса, Глікери красота принадила мене: Той сміх – такий дзвінкоголосий, Таке в очах її зухвальство чарівне*» (М. Зеров); «*Коли бувало в ріднім я селі, Коли дивлюсь на хлопчиків смаглявих, Що хитрих лящиків та окунців Так само гордо ловлять, між собою Дзвінкоголосі ведучи розмови...*» (М. Рильський).

Таким чином, функціональний обсяг складних прикметників мотивується внутрішньою формою слова і традицією поєднуваності з іменником-дистрибутом. Це епітетне словосполучення – мінімальний поетичний контекст, у якому розкриваються тенденції сполучуваності. Сполучуваність – це результат дії двох компонентів: епітета і дистрибута. Обидва компоненти, як правило, належать до традиційної поетичної лексики.

У прикметниковій сполучуваності існує певна закономірність: прикметники із звуковою семантикою широко сполучаються з назвами звукових понять. Ця закономірність закладена в їх семантиці. Поєднуються також композити із назвами предметів, явищ природи, назвами часових і абстрактних понять тощо. На несподіваному поєднанні прикметника з іменником вибудовуються різні стилістичні фігури і тропи.

ЛІТЕРАТУРА

- БУЛАХОВСЬКИЙ, Л. А.: Введение в языкознание. Москва: Гос. учпедгиз 1953. 178 с. Без ISBN.
- ГАЛІЙ, Л. Г.: Дефініції валентності та сполучуваності у сучасному мовознавстві. In: Вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. Сер.: Філологічні науки. Мовознавство 2011, № 6, ч. 1, с. 147 – 152. ISBN 1729-360X.

ДАНИЛОВИЧ, О. Д.: Сполучуваність прикметників з лексико-семантичними групами іменників у науковому стилі. In: Вісник Житомирського державного університету. Сер.: Філологічні науки 2012. Вип. 64, с. 207 – 211. ISBN 2076-6173.

КОЧЕРГАН, М. Р.: Слово і контекст. (Лексична сполучуваність і значення слова). Львів: Вища школа 1980. 183 с. Без ISBN.

СУМ – Словник української мови: в 11 т. Київ: Наукова думка, 1970 – 1980. Без ISBN.

ТИМОФЕЕВ, В. П.: Поэтические словосочетания. In: теория поэтической речи поэтическая лексикография. Шандринск: ШГПУ 1971, с. 24 – 31. Без ISBN.

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ОПИСАНИЯ СОБЫТИЯ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАПАДНЫХ ИЗДАНИЙ)

Матюшенко Екатерина Евгеньевна

Кафедра русского языка как иностранного
Волгоградского государственного социально-педагогического
университета в Волгограде (Российская Федерация)

Katedra rusistiky
Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)

REFERENTIAL ASPECT OF EVENT DESCRIPTION IN CONTEMPORARY MEDIA- TEXTS (IN RUSSIAN AND ENGLISH-SPEAKING PRESS)

Abstract: The article deals with an event frame as a way to analyse a political event presented in Russian, American and British media. The article claims that in such an event as the American presidential election it is possible to reveal the common structure that is typical of each one. According to the American Constitution each presidential election consists of substantial phases (primary election, primaries, inauguration, etc.) which can be called as slots. Also, it is proved in the article that each event might differ from others as it may contain some elements that have not been intended to occur. In the Presidential elections, 2016 they are anti-Trump protests, Russian influence on the election results.

Keywords: event in a mediatext, event frame, referential aspect

В настоящее время средствам массовой информации принадлежит важная, а иногда и ведущая роль в формировании общественного мнения. Человеческое знание об окружающей нас действительности во многом определяется информационными потоками. В связи с этим в последние десятилетия многие учёные (лингвисты, социологи, политологи) рассматривают медиатексты как мощное орудие отражения объективной реальности и моделирования определённой картины мира у целевой аудитории. Так, немецкий социолог Никлас Луман в работе «*Реальность массмедиа*» обращает внимание на то, что всё, что нам известно о нашем обществе и окружающем нас мире, является результатом существования массмедиа (Луман, 2005, с. 8). Стоит также признать тот факт, что современные СМИ оказывают значительное влияние на свою целевую аудиторию, формируя определённую систему образов и навязывая читателям/ зрителям/ слушателям свою

точку зрения относительно происходящих событий в окружающей нас действительности.

Современные СМИ становятся теми средствами массового воздействия, которые способны конструировать реальность в собственной интерпретации, формировать мнение целевой аудитории в определённом направлении и моделировать наши представления об объективной реальности. Описывая происходящие события внутри страны и за её пределами с разных точек зрения и позиций, журналистам свойственно выражать оценочное мнение и реализовывать воздействующую функцию медиатекста на потенциальную аудиторию.

Так, Т. А. ван Дейк, говоря о важности всего корпуса текстов массмедиа, обращает внимание на тот факт, что структуры медиатекстов могут быть адекватно поняты только при одном условии: их следует рассматривать как результат когнитивной и социальной деятельности журналистов по созданию текстов и их значений, а также как результат интерпретации этих текстов потенциальной аудиторией на основе опыта общения читателей, зрителей и слушателей со СМИ (Dijk, 1997, с. 32). Исследователь приводит пример сравнительного анализа употребления действительного и страдательного залогов в трех заголовках:

Police killed demonstrators (Полиция убила демонстрантов);

Demonstrators killed by police (Демонстранты, убитые полицией);

Demonstrators killed (Демонстранты убиты).

С помощью таких грамматических конструкций, как действительный и страдательный залогов, подчёркивается разная роль деятеля в этом событии: в *Police killed demonstrators* акцентируется внимание на роли полиции в произошедшем, в то время как *Demonstrators killed* свидетельствует о сокрытии отрицательной роли правящей элиты. Таким образом, одно и то же наблюдаемое событие может быть преподнесено (в случае с медиатекстами – интерпретировано) журналистами по-разному.

Цель нашего исследования – выявить особенности освещения события в современных СМИ в референциальном аспекте на примере российских, американских и английских медиатекстов, посвящённых LVIII выборам американского президента. Несмотря на то, что Дональд Трамп был избран президентом в ноябре 2016 года, до настоящего времени данное событие не перестаёт быть в центре внимания журналистов, которые могут вносить изменения в его структуру. В настоящее время событие представляет собой ключевую категорию, способствующую созданию информационной картины действительности.

Понятие **событие** широко исследуется и изучается в различных отраслях науки. Так, его можно анализировать, описывать, исследовать как философское понятие. Этому посвящены работы различных школ и направлений в философии. *Событие* изучается как лингвофилософское явление такими учеными, как Н. Д. Арутюнова (1988), К. А. Переверзев (1998) и другие.

В науке *событие* составляет систему с такими понятиями, как «ситуация» и «факт» и рассматривается в сопоставлении с ними: *ситуация – событие – факт*. Обращает на себя тот факт, что значительные расхождения в толковании данных единиц разными исследователями и учёными обусловлены многообразием научных школ и направлений (философских, логических, лингвистических), а также их взаимовлиянием и тесной взаимосвязью.

В современной науке *ситуация* и *событие* достаточно широко используются отечественными лингвистами при описании и иллюстрации исследуемого языкового материала. *Ситуация* и *события* находятся в родо-видовых отношениях, следовательно в описании ситуации освещается более широкий круг явлений. Такое понимание можно найти в работах Н. Д. Арутюновой (1988), Т. В. Шмелёвой (1997) и других учёных. К. А. Переверзев в статье «Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка» использует понятие *ситуация* как родовое и высказывает предположение о том, что она затрагивает несколько частных категорий (Переверзев, 1998, с. 51). Данные категории находятся на «пересечении мира “сырой” действительности и ментального мира человека» (там же, с. 51) и представляют собой «возможный мир», «ситуация (в узком смысле как часть возможного мира)», «событие», «факт» (там же, с. 51).

С точки зрения логической семантики категории *событие* и *факт* рассматриваются в оппозиции друг к другу и имеют различия по нескольким признакам. Прежде всего *факт* являет собой логическую абстракцию, которая воплощается в языке материально. Для фактов большую роль играет «ментальное» и в меньшей степени «реальное», а также они определяются планом смысла (там же, с. 26 – 27). При этом отмечается, что события и факты являются таковыми только в процессе восприятия их человеком, так как для них характерен «конвенциализованный» смысл, а окружающий мир рассматривается исключительно «в модальности субъекта» (там же, с. 26 – 27).

К. А. Переверзев и Н. Д. Арутюнова относят *событие* к числу онтологических объектов (Переверзев, 1998, с. 27; Арутюнова, 1988, с. 101). Однако последний учёный обобщает такие объекты, как ситуация,

процесс, происшествие, случай (Арутюнова, 1988). *Факт* соотносится со следующими лингвистическими понятиями: пропозиция, суждение, утверждение, мнение, предположение. Так же, как и они, *факт* принадлежит к явлениям эпистемического плана, то есть посредством их индивид может выразить отношение к знанию. Таким образом, события формируют «среду погружения человека в мир», а факты представляют собой «результат погружения мира в сознание человека» (Арутюнова, 1988, с.103). «Жизнь человека складывается из событий, но её анкетное представление превращает события в факты» (там же, с. 103).

Дифференцируя событийные и процессуальные имена, Н. А. Самойленко особое внимание уделяет их семантике. События характеризуются «однократностью, результативностью, глобальностью, предельностью, однонаправленностью»; процессам свойственны «повторяемость, градуированность, динамичность, длительность, разнонаправленность, типичность» (Самойленко, 1991, с. 9). Примерами могут служить лексические пары: ходьба – приход, стрельба – выстрел, езда – приезд. Первый член такой оппозиции выражает событие, в то время как второй – факт. Исследователь анализирует референтное событие, для которого, как отмечает автор, обязательно изменение в какой-либо сфере действительности, включая его инициальное и завершающее состояние. Как мы видим, представленная Н. А. Самойленко трактовка *события* шире, чем в монографии «Типы языковых значений. Оценка, событие, факт» Н. Д. Арутюновой, так как автор не вычленяет поступок и факт из событийной семантики. Таким образом, представленное автором понимание *события* «результат какого-то действия, поступок, явление, факт, обладающие личной или общественной значимостью, нечто новое, изменение ситуации, положения дел» (Самойленко, 1991, с. 8) близко к наивному толкованию¹.

Для целевой аудитории современных печатных, аудиальных, визуальных и Интернет массмедиа событие становится таковым только

---

1 В «*Большом толковом словаре русского языка*» С. А. Кузнецова находим такое определение: «СОБЫТИЕ – то, что произошло, случилось, значительное явление, факт общественной или личной жизни. Важное, знаменательное событие. Историческое событие. Международные события. Каждое выступление этого оркестра – событие в жизни города. События на Ближнем Востоке. Сегодня произошло очень странное событие. Постоянно следить за событиями в нашей стране и за рубежом. События Девятого января. //прил. Событийный. Событийная последовательность. Образная и событийная система художественного произведения. Жизнь кого-либо не событийна (не богата событиями). Событийность» (Кузнецов, 2000, с. 1225).

после процесса вербализации и превращении его в текстовую категорию (Чернышова, 2005, с. 15). Однако стоит признать, вместо «сырой» информации современные СМИ предлагают читателю уже «интерпретированный факт» (Сизьмин, 2012, с. 35). Именно интерпретация и оценка являются важными составляющими медиатекста. По справедливому замечанию А. А. Еникеева, можно обнаружить многообразие описаний, интерпретаций, модальностей одного и того же события, если за ним наблюдает несколько свидетелей. Это приводит к существованию «множественности события» в формулировке исследователя (Еникеев, 2003, с. 17).

С нашей точки зрения, именно наличие множественности описания одного и того же события характерно для медиасреды. Целевая аудитория СМИ через медиатекст получает уже интерпретированный вербальный факт. Так, реальное событие действительности характеризуется континуальностью, целостностью, которые теряются при его отражении в текстах массмедиа (Мохирева, 2012, с. 115). Исследователь также даёт определение **событию в медиатексте**, которое понимает как текстовую категорию, представляющую фрагмент действительности, в котором выделены субъект и объект действия, обозначены пространственно-временные координаты, и наделённую той или иной модальностью (там же, с. 115). Однако, нами рассматривается событие (выборы американского президента), которое может быть описано как «регулярно повторяющееся» и «традиционно происходящее», и именно такое событие может быть представлено в виде фрейма.

В когнитивной лингвистике под фреймом понимают «всегда структурную единицу знания, в которой выделяются определённые компоненты и отношения между ними; это когнитивная модель, передающая знания и мнения об определённой, часто повторяющейся ситуации» (Болдырев, 2014, с. 108). В данном определении, как мы видим, подчёркивается тот факт, что фрейм соотносится с «часто повторяющейся» ситуацией, то есть не всякая ситуация может стать фреймом. Еще одним доказательством этому может служить структура фрейма, который состоит из узлов и отношений. «Вершинные уровни фрейма фиксированы и соответствуют вещам, всегда справедливым по отношению к предполагаемой ситуации. Ниже этих узлов – терминальные узлы, или слоты» (Кубрякова, 1996, с. 188). Стоит отметить, что заполнение терминального узла детерминировано определёнными условиями, которые также включены во фрейм.

Поскольку фрейм представляет собой стандартную и чётко структурированную схему, то с помощью такого понятия, как **фрейм события**,

рационально описывать общественно-политические события, которые отражают «традиционно воспроизводимые и законодательно прописанные ситуации» (Шестак, 2017, с. 230). В качестве рабочего определения **фрейм события** будем пользоваться предложенной профессором Л. А. Шестак трактовкой данного лингвистического термина: «фрейм события определим как ‘темпоральную процедурную последовательность реализации общественно-политической цели’: выборы парламента или президента, принятие законодателем и введение правоприменителем нового закона, акции гражданского общества или оппозиции, международные соревнования или научные форумы, т.е. традиционно повторяющиеся факты общественно-политической жизни, имеющие законодательно фиксированную процедуру проведения» (там же, с. 233). По мнению учёного-лингвиста, фрейм события может ярко проявляться в таких событиях, как президентские и парламентские выборы, заседание ООН и других международных организаций, проведение политических дебатов, выдвижение депутатов в качестве кандидатов на выборах в различных государственных структурах.

Более подробно рассмотрим референциальное наполнение фрейма общественно-политического события на примере состоявшихся выборов президента Соединенных Штатов Америки 8 ноября 2016 года. Это событие нами выбрано не случайно: оно активно обсуждалось в средствах массовой информации, к нему было приковано внимание мировой общественности и целевой аудитории массмедиа. О последнем факте свидетельствует большое количество просмотров материалов СМИ, посвящённых данным событиям (более 10 тысяч просмотров).

В соответствии с *Конституцией Соединенных Штатов Америки*, а также данных официального сайта Правительства США (www.usa.gov/election) выделим терминальные узлы фрейма такого политического события, как выборы Президента США на примере состоявшихся в 2016 году LVIII выборов главы Белого Дома.

Предмет выборов. Непрямые выборы XLV Президента США.

Установление даты. Выборы Президента США проходят каждые четыре года, в первый вторник ноября, следующего за первым понедельником. Таким образом, в 2016 году они проходили 8 ноября 2016 года, а следующие состоятся 3 ноября 2020 года.

Выдвижение кандидатов для участия в LVIII выборах президента США, состоящее из партийного предварительного голосования и определения кандидатов от «третьих» сил. Это является началом предвыборной кампании. Существуют два этапа голосования – партийный и общий. У каждой партии свой механизм голосования. В Демократической

партии определяются делегаты, которые обещают голосовать за определённую кандидатуру и свободные делегаты, у которых нет таких обязательств. В 2016 году от Демократической партии в предвыборной кампании принимало участие 4763 делегата, для победы необходимо было набрать 2382 или более голосов. В съезде Республиканской партии решения выносят 10 делегатов от штата. В LVIII выборах президента приняло участие 2470 делегатов. Победа была гарантирована при наборе как минимум 1236 голосов. Кандидатами от «третьих» сил в 2016 году стали Гэри Джонсон, Джилл Стайн, Даррелл Касл, Эван Макмаллин, Лоуренс Котликофф и другие. Обязательным условием к кандидатам на должность президента США является возраст (не младше 35 лет), место рождения (США) и минимальный срок проживания на территории страны (не менее 14 лет).

Финальный период предвыборной кампании. Особенностью проводимых LVIII выборов американского президента послужил тот факт, что обе партии проводили праймериз. Это происходило впервые в истории США. В результате национальных конвенций и праймериз были определены кандидаты от каждой партии: от демократов – Хиллари Клинтон, от республиканцев – Дональд Трамп.

Выборы и подведение итогов. 8 ноября 2016 года было объявлено, что победу на LVIII выборах американского президента одержал Дональд Трамп, который набрал 306 голосов коллегии выборщиков в то время, как за Хиллари Клинтон – 232. После этого 19 декабря состоялось голосование коллегии выборщиков, на котором были подтверждены голоса 304 выборщиков за Дональда Трампа и 227 голоса поддерживали Хиллари Клинтон.

Инаугурация. 20 января 2017 года состоялась инаугурация Дональда Трампа в качестве XLV Президента США, в процессе которой принёс присягу не только новоизбранный президент, но и новый вице-президент Майкл Пенс. После присяги Дональд Трамп произнёс торжественную речь, поблагодарив Барака Обаму, свою семью, а также пообещав определить курс развития страны и всего остального мира на многие годы вперёд.

Безусловно, мы признаем, что этот список не является конечным и единственным верным, однако, с известной долей вероятности можно предположить, что обозначенные нами слоты являются традиционными, конвенциональными и входят в структуру события «Выборы президента США».

Помимо шести терминальных узлов фрейма рассматриваемого нами политического события, можно выделить узувальные, которые

характеризируются вариативностью и не являются обязательными в сравнении с терминальными. Так же, как и терминальные, узуальные термы указывают на наполнение фреймов.

Анализируя фрейм события «Выборы Президента США в 2016 году», мы приходим к выводу, что в нём можно выделить следующие узуальные термы, которые не являются законодательно (конституционно) закреплёнными и, следовательно, обязательными:

Кибератаки на Национальный комитет Демократической партии США, самая известная из них была зафиксирована в мае – июне 2016 года и, по данным американской разведки, имела цель повлиять на итоги выборов. Это нашло отражение в западных СМИ. Например, на официальном сайте информационного агентства CNN собраны данные о кибератаках, которые приписывают России. Например, в информационном блоке за 14 июня 2016 года читаем: *«The Washington Post reports hackers working for the Russian government accessed the DNC's computer system, stealing oppositional research on Donald Trump and viewing staffers' emails and chat exchanges. The Kremlin, however, denies that the government was linked to the hack, and a US official tells CNN that investigators have not yet concluded that the cyberattack was directed by the Russian government»* («Вашингтон Пост сообщает: хакеры, работающие на российское правительство, получили доступ к системе доменных имен, украли результаты расследования оппозиции относительно Дональда Трампа и раскрыли деловую и личную переписку сотрудников. Кремль, однако, отрицает свою связь с хакерской атакой, а представитель правительства США сообщил CNN, что расследование не нашло еще доказательств того, что кибератака была совершена по указанию российского правительства» – здесь и далее наш перевод; CNN, 28. 06. 2017). 7 октября 2016 года на официальном сайте BBC была опубликована статья с заголовком *«US accuses Russia of cyber attacks»* («США обвиняет Россию в кибератаках») и лидом *«US officials have formally accused Russia of cyber attacks against political organisations in order to “interfere with the US election”»* («Представители правительства США официально обвинили Россию в кибератаках на политические организации с целью влияния на выборы в США»; BBC, 07. 10. 2016). Ту же самую новость освещали и российские СМИ: «Ассанж: нет доказательств, что сервера Демпартии США взломали хакеры из РФ. Основатель сайта WikiLeaks Джулиан Ассанж заявил в интервью NBC, что нет никаких оснований считать, что это якобы российские хакеры взломали сервера Демократической партии США. Ранее представители демократов заявляли, что скандал с утечкой неблагоприятной внутрипартийной переписки является свидетельством того, что Россия якобы поддерживает

кандидата-республиканца Дональда Трампа. Российское посольство в США назвало эти обвинения в адрес России безосновательными» (РИА Новости, 30. 07. 2016).

Обвинение Дональда Трампа и его сторонников в «связи» с Россией и В. В. Путиным в частности, а, следовательно, и вмешательство России в процесс и результат президентских выборов в США. Западные СМИ неоднократно поднимали тему вмешательства российского правительства в ход выборов американского президента: «*Are there any Trump links to Putin? A hack of Democratic party emails has been blamed by Hillary Clinton's campaign team on Russian agents trying to help Republican Donald Trump. So are there really any links between the New York hotel developer and Moscow?*» («Есть у Трампа связь с Путиным? Сторонники Хиллари Клинтон обвинили в хакерской атаке на переписку Демократической партии российских агентов, помогающих республиканцу Дональду Трампу. Итак, есть ли действительно связь у владельца сети гостиниц в Нью-Йорке с Москвой?»; BBC, 27. 07. 2016).

Послевыборные акции протеста, которые привели к написанию петиции, в которой звучал призыв к выборщикам игнорировать итоги голосования: «*Thousands take to the streets to protest Trump win. They chanted anti-Donald Trump slogans. They flooded city streets. They gathered near the White House, disheartened and dismayed. "Not my President, not today," many across the nation yelled*» («Тысячи людей вышли на улицу в качестве протеста против победы Трампа. Они скандировали слоганы против Дональда Трампа. Они заполнили улицы города. Они собрались рядом с Белым Домом – в состоянии отчаяния и ужаса «Это не мой президент, не сегодня,» – доносились выкрики по всей стране»; CNN, 10. 10. 2016); «*There were peaceful demonstrations on Wednesday night against the Trump victory. Most protesters dispersed in the early hours of Thursday*» («В ночь на четверг проходили мирные демонстрации против победы Трампа в выборах. Большинство демонстрантов разошлось поздно ночью»; The Guardian, 10. 11. 2016). В российских печатных изданиях можно прочитать материалы, описывающие не совсем мирный характер демонстраций: «*В Нью-Йорке начались беспорядки: американцы протестуют против избрания Трампа президентом. Две большие группы людей – с протестными лозунгами, оскорбительными выкриками – в ночь на четверг, 10 ноября, направились к небоскрёбу Дональда Трампа. Это здание – штаб-квартира победившего на последних выборах президента США Дональда Трампа. Там живёт сам новый президент-миллиардер и вся его многочисленная семья*» (Комсомольская правда, 10. 11. 2016).

Как мы видим, изучение медиатекстов позволяет рассмотреть контент новостного сообщения, выделив не только терминальные узлы фрейма события, но и узуальные. При этом можно выявить различные референциальную полноту и трактовки происходящего события.

Рассмотренный материал позволяет говорить о возможности применения методики анализа фрейма события при анализе современных медиатекстов, в которых освещается политические события. При этом выделяются ключевые компоненты изучаемого события (терминальные узлы, или слоты), характеризующие типичное, повторяемое, зачастую законодательно регулируемое (или установленное в правилах, уставах и проч.) действие. Поскольку выборы президента имеют конституционно закреплённую процедуру проведения, для детального анализа нами было выбрано такое политическое событие, как выборы XLV Президента Соединенных Штатов Америки, получившие широкое освещение как в западных СМИ, так и в российских средствах массовой информации.

Стоит признать, что ход событий, особенно имеющее важное общественное и/или политическое значение, не всегда полностью соотносится со структурой, выраженными слотами. Так, события могут получить неожиданное, спонтанное наполнение. В когнитивной лингвистике подобные элементы структурной схемы обозначаются как узуальные термы. С известной долей уверенности можно предположить, что последовавшие беспорядки на всей территории США и недовольство результатами выборов носили спонтанный характер и не являются облигаторными компонентами фрейма этого события.

ЛИТЕРАТУРА

- АРУТЮНОВА, Н. Д.: Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. Москва: Наука 1988. 341 с. Без ISBN.
- БОЛДЫРЕВ, Н. Н.: Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина 2014. 236 с. ISBN 978-5-89016-938-9.
- ЕНИКЕЕВ, А. А.: Событие, сознание, текст в пространстве социально-философского знания: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук: 09.00.11. Екатеринбург 2003. 18 с. Без ISBN.
- ЛУМАН, Н.: Реальность массмедиа. Москва: Праксис 2005. 256 с. ISBN 5-901574-46-X.
- МОХИРЕВА, С. В.: Реальное событие и вербальный факт в текстах российских СМИ. In: Журналистский ежегодник, 2012, № 1, с. 114 – 117. ISSN 2306-2096.
- ПЕРЕВЕРЗЕВ, К. А.: Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка. In: Вопросы языкознания, 1998, № 5, с. 24 – 52. ISSN 0373-658X.

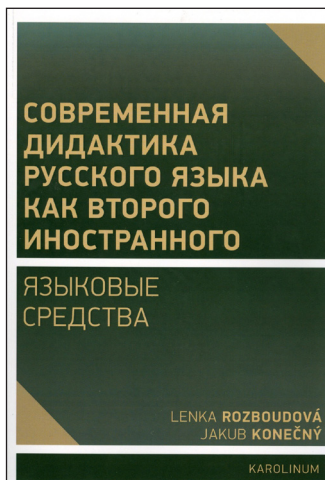
- САМОЙЛЕНКО, Н. А.: Семантика событийности и способы ее выражения. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук: 10.02.01. Алма-Ата, 1991. 24 с. Без ISBN.
- СИЗЬМИН, М. А.: СМИ как важный фактор обеспечения национальной безопасности. In: Журналист. Социальные коммуникации, 2012, № 3, с. 30 – 39. ISSN 2221-6073.
- ЧЕРНЫШОВА, Т. В.: Тексты в СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. Диссертация на соиск. учен. степ. доктора филол. наук. Барнаул: 2005. 577 с. Без ISBN.
- ШЕСТАК, Л. А.: Политическая медиалингвистика: фрейм события. In: Русское слово. Волгоград: Фортекс 2017, 5, с. 229 – 244. ISBN 978-5-903705-14-8.
- ШМЕЛЁВА, Т. В.: Автор в медиатексте. Доступ: http://www.novsu.ru/npe/files/um/1588617/portrait/Data/avtor_v_mediatekste.html.
- DIJK, T. A. Van: What is political discourse analysis? In: Political linguistics, Amsterdam: John Benjamins Publishing Company 1997. 123 pp. ISSN 0774-5141.

СЛОВАРИ

- КУБРЯКОВА, Е. С.: Краткий словарь когнитивных терминов. Москва: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова 1996. 245 с. ISBN 5-89042-018-6.
- КУЗНЕЦОВ, С. А.: Большой толковый словарь русского языка. Справочное издание. Санкт-Петербург: Норинт 2000. 1536 с. ISBN 5-7711-0015-3.

ИСТОЧНИКИ

- КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА. В Нью-Йорке начались беспорядки: американцы протестуют против избрания Трампа президентом, 10. 11. 2016. Доступ: <https://www.kp.ru/daily/26605/3621402>.
- РИА НОВОСТИ. Ассанж: нет доказательств, что сервера Демпартии США взломали хакеры из РФ, 30. 07. 2016. Доступ: <https://ria.ru/world/20160726/1472835463.html>.
- BBC. Are there any Trump links to Putin? 27. 07. 2016. Доступ: <https://www.bbc.com/news/election-us-2016-36862749>.
- BBC. US Election 2016 US accuses Russia of cyber attacks, 07. 10. 2016. Доступ: <https://www.bbc.com/news/election-us-2016-37592684>.
- CNN. 2016 Presidential Campaign Hacking Fast Facts, 28. 06. 2017. Доступ: <https://edition.cnn.com/2016/12/26/us/2016-presidential-campaign-hacking-fast-facts/index.html>.
- CNN. Thousands take to the streets to protest Trump win, 10. 10. 2016. Доступ: <https://edition.cnn.com/2016/11/09/politics/election-results-reaction-streets>.
- THE GUARDIAN, US elections: protests held against president-elect – as it happened, 10. 11. 2016. Доступ: <https://www.theguardian.com/us-news/live/2016/nov/09/donald-trump-us-election-2016-live-reactio>.

ROZBOUDOVÁ, L. – KONEČNÝ, J.:
*Современная дидактика русского языка
как иностранного: языковые средства.*
Praha: Nakladatelství Karolinum 2018. 118 s.
ISBN 978-80-246-4277-2.

Vyučovanie ruštiny opäť aktuálne v novej monografii L. Rozboudovej a J. Konečného Современная ди- дактика русского языка как вто- рого иностранного: языковые средства

L. Rozboudová a J. Konečný predkladajú odbornej verejnosti novinku z problematiky didaktiky ruského jazyka v podobe monografickej práce, ktorá predstavuje prvý titul (venovaný jazykovým prostriedkom/aspekтом jazyka) z pripravovanej série troch monografických prác nazvaných *Современная дидактика русского языка как второго иностранного* (v druhom titule sa bude prezentovať problematika rečových zručností a v treťom – aktuálne otázky vyučovania ruského jazyka v súčasnosti). Impulzom k takémuto zámeru boli zmeny v spoločnosti

Českej republiky po roku 1989, ktoré podľa konštatovania autorov „оказали сильное влияние не только на количество учащихся, но и на дидактику русского языка как иностранного, можно говорить даже о разрыве в развитии чешской лингводидактики русского языка“ (s. 11). Autori na margo spoločenských zmien pokračujú tvrdením, že „[...] многие специалисты по лингводидактике тогда начали заниматься другими иностранными языками, которые в то время реально преподавались в начальных или средних школах, вследствие чего дидактика русского языка на теоретическом и практическом уровнях развивалась только очень sporadически“ čo podľa autorov vyústilo do zníženia „[...] количества лингводидактических исследований процесса обучения

русскому языку и отсутствию адекватной лингводидактической научной литературы [...]” (ibid., s. 11).

Recenzovaná monografia bola vydaná na základe grantového projektu IRP 236065-1672 *Inovace výuky didaktiky ruského jazyka na katedře rusistiky a lingvodidaktiky Pedagogické fakulty UK*. Cieľom autorov je zosystematizovať názory na rôzne aspekty vyučovania ruského jazyka ako ďalšieho cudzieho jazyka v kontexte súčasného základného a stredného školstva v Českej republike s akcentom na český jazyk ako blízko príbuzný, no so zjavným zámerom zachovania špecifických črt vyučovania ruského jazyka ako druhého cudzieho jazyka v českom systéme vzdelávania. Spracovanie monografie vychádza zo zámeru autorov komplexne prezentovať aktuálny stav vyučovania ruského jazyka ako ďalšieho cudzieho v kontexte českého jazykového prostredia. S potešením konštatujeme, že komplexná vedecká práca L. Rozboudovej a J. Konečného predstavuje pozitívny vklad do aktuálnej problematiky vyučovania ruského jazyka. Recenzovaná monografická práca výraznou mierou napomôže predovšetkým začínajúcim učiteľom ruského jazyka. Ďalšími adresátmi môžu byť nielen skúsení vyučujúci ruského jazyka na českých (i slovenských) základných, stredných a vysokých školách, ale aj študenti rusistiky rôznych odborov s osobitným akcentom na tých, ktorí sa pripravujú na svoje budúce učiteľské povolanie.

Z hľadiska metodológie sa autori pri spracovaní monografickej práce opierali o klasické metódy pedagogického, lingvodidaktického a lingvistického výskumu, pričom vychádzajú z analýz odbornej literatúry, kurikulárnych dokumentov, metódy pedagogickej introspekcie a ďalších metód v pedagogickom výskume. Autori brali do úvahy aj súbory metodických príručiek, ktoré sa používajú v Českej republike na vyučovanie ruského jazyka v základných a stredných školách. Treba zdôrazniť, že L. Rozboudová a J. Konečný text monografie obohatili o relevantné poznatky z vlastnej aktívnej pedagogickej skúsenosti s vyučovaním ruského jazyka ako ďalšieho cudzieho jazyka.

Monografiu tvorí 9 kapitol, popri nich pomerne rozsiahly úvod (s. 11 – 13) a záver (s. 111 – 112), anglické resumé (s. 113 – 114), zoznam použitej literatúry (s. 115 – 117) a vecný register (s. 118). V prvých štyroch kapitolách autori prezentujú rôzne hľadiská vyučovania ruského jazyka vyplývajúce z požiadaviek zakotvených v kurikulárnych dokumentoch Českej republiky.

V úvodnej časti prvej kapitoly (*Лингводидактика как научная дисциплина и её базисные понятия*) autori opodstatnene vyzdvihujú v rámci problematiky cudzojazyčného vyučovania význam lingvodidaktiky ako disciplíny, ktorá „пока ещё является полностью (не всеми учёными) признанной научной дисциплиной, хотя она имеет

свой предмет обучения, предмет и объект исследования, свой аппарат понятий” (s. 14). V podkapitole 1.1 (*Лингводидактика и методика – понимание терминов*) L. Rozboudová a J. Konečný uvádzejú odlišné ponímanie pojmov *lingvodidaktika* a *metodika* v českom a ruskom prostredí, pričom konštatujú, že „в чешской научной среде лингводидактика пока ещё не заняла стабильное место, всё время пока встречаемся с различными концептуальными вопросами, которые следует решить” (s. 15). Autori sa osobitne venujú aj vymedzeniu pojmu *metodika* v ruskom prostredí, pričom uvádzajú aj tri spôsoby jeho chápania podľa renomovaného ruského odborníka A. N. Ščukina (2010). V záverečnej časti danej podkapitoly autori poukazujú na nejednoznačnosť chápania nielen základných pojmov (*lingvodidaktika* a *metodika*), ale aj iných – s nimi súvisiacich, čo možno pozorovať „не только в России и Чехии, но и в других странах” (s. 16). V podkapitole 1.2 (*Основные понятия лингводидактики*) autori uvádzajú výklad kľúčových pojmov *lingvodidaktiky*, ktoré sa vyskytujú v texte monografie, pričom čitateľa upozorňujú (čo je pochopiteľné) na neúplnosť zoznamu pojmov. Domnievame sa však, že výklad pojmov je najmä pre začínajúcich učiteľov výstižný a zrozumiteľný. V rámci ďalších podkapitol autori vhodne zaradili aj tradičnú problematiku vzťahu *lingvodidaktiky*

k základným (pedagogika, didaktika, psychológia, lingvistika), príbuzným (pedagogická psychológia, psycholingvistika, sociolingvistika, lingvistika textu, rétorika, lingvokulturoológia a i.) a iným vedám (filozofia, história, kulturoológia, geografia, politológia, ekonomika, kybernetika a i.). V podkapitole 1.4 (*Основные вопросы лингводидактики*) L. Rozboudová a J. Konečný uvádzajú len niektoré základné problémy, ktoré rieši *lingvodidaktika* (podrobnejšie o aktuálnych tendenciách *lingvodidaktiky* v rámci samotného procesu vyučovania cudzích jazykov sa podľa autorov dočítame v už avizovanej tretej časti pripravovanej série).

V druhej kapitole (*Русский язык в современной образовательной системе в чешской школе*) autori mapujú aktuálnu situáciu vo vyučovaní ruského jazyka osobitne na základných a stredných školách v Českej republike, pričom berú do úvahy len tie druhy škôl, kde ruský jazyk tvorí súčasť vzdelávacích programov. V podkapitole 2.1 (*Количество учащихся*) L. Rozboudová a J. Konečný ponúkajú čitateľovi retrospektívny pohľad na stav vyučovania ruského jazyka bezprostredne po Nežnej revolúcii v roku 1989, pričom reagujú na kolísavé počty študujúcich ruský jazyk v konkrétnych školských rokoch. V troch prehľadných tabuľkách L. Rozboudová a J. Konečný uvádzajú štatistické údaje počtu študujúcich ruský jazyk na základných školách (tabuľka, s. 26 – 27) či

stredných školách, kde sa ruština vyučuje ako druhý cudzí jazyk (tabuľka, s. 27) a v tabuľke č. 3 (s. 28) sú uvedené počty tých študentov, ktorí absolvovali štátnu maturitnú skúšku z ruského jazyka. Oceňujeme, že nejde len o mechanické sumarizovanie štatistických údajov, ale že autori čitateľovi ponúkajú porovnávaciu analýzu daného stavu s uvedením vlastných komentárov. Podobný prístup L. Rozboudová a J. Konečný zvolili aj v podkapitole 2.2 (*Введение обязательного обучения второму иностранному языку*). Víťame aj zaradenie podkapitoly 2.4 (*Перенос*), v ktorej vymedzujú pojmy *prenos* (*transfer*) a *interferencia*, t. j. problematiku, ktorá je v rámci jazykových kontaktov stále aktuálna na všetkých úrovniach jazyka.

V tretej kapitole (*Требования к обучению русскому языку в обязательных куррикулумных документах чешской образовательной системы*) autori prezentujú základné požiadavky na vyučovanie ruského jazyka ako ďalšieho cudzieho, uvedených v kľúčových kurikulárnych dokumentoch českého vzdelávacieho systému. Dodávame, že dodržali aj dôsledné a korektné uvádzanie citácií nielen v texte danej kapitoly, ale aj v bibliografii. L. Rozboudová a J. Konečný v jednotlivých podkapitolách citlivo, no dôrazne reflektujú základnú informáciu o obsahu daného dokumentu, t. j. uvádzajú súhrnný prehľad všetkých požiadaviek na vyučovanie ruského jazyka

na základných a stredných školách v Českej republike.

Štvrtú kapitolu (*Учебники и учебные материалы для обучения русскому языку как второму иностранному*) L. Rozboudová a J. Konečný venovali jednej z najdôležitejších súčastí vyučovacieho procesu v rámci ktoréhokoľvek predmetu – učebniciam a učebným súborom. Autori prezentujú základnú charakteristiku učebného súboru (podkapitola 4.1), ale taktiež vysvetľujú aj osobitosti súčasných učebných súborov určených na vyučovanie ruského jazyka. V spomenutej podkapitole L. Rozboudová a J. Konečný obohacujú doterajšie klasifikácie učebníkov o svoju vlastnú klasifikáciu „учебников «нового типа»: а) электронный учебник; б) интерактивный учебник“ (s. 39), pričom uvádzajú ich jasný a výstižný opis. V podkapitole 4.2 (*Современный учебно-методический комплекс по русскому языку как иностранному*) vyzdvihneme názor autorov, že „[...] выбирая учебно-методический комплекс, преподаватель должен ознакомиться не только с учебником и рабочей тетрадью, но он должен изучить и методическое пособие, благодаря которому он сможет полностью понять концепцию всего комплекса и замысел авторов“ (Rozboudova – Konecny, 2017, s. 77). V podkapitole 4.3 (*Использование учебно-методических комплексов по русскому языку в чешской образовательной среде*) autori

opodstatnene poukazujú na nie najvhodnejšie používanie učebných súborov vydaných v Ruskej federácii, ktoré, ako konštatujú, sú určené „для анонимного иностранца» (s. 42). Ďalej argumentujú, že „способ работы над языковыми средствами не учитывает особенности, вытекающие из родственности русского и чешского языков“ (ibid., s. 42). Podľa názoru autorov sú oveľa vhodnejšie tie, ktoré sú vydané v podmienkach českého jazykového prostredia, pretože „основываются на результатах сопоставления русского и чешского языков, способ презентации языкового материала рассчитывает на положительное влияние чешского языка и одновременно старается последовательно бороться с проявлением интерференции родного языка учащихся“ (ibid., s. 42).

V 5. – 9. kapitole L. Rozboudová a J. Konečný vysvetľujú problematiku vyučovania jazykových prostriedkov (lexikálnych, fonetických, gramatických a (orto)grafických), pričom každú kapitolu prehľadne členia na niekoľko základných podkapitol s ich ďalším vnútorným členením. V piatej kapitole (*Языковые средства и речевые умения*) autori zdôrazňujú v rámci cudzojazyčného vzdelávania význam dostatočného rozvíjania všetkých jazykových prostriedkov a v spojitosti s nácvikom rečových zručností konštatujú, že „все языковые средства в реальной речи взаимосвязаны, на занятиях по

иностранному, в том числе и русскому языку необходимо заниматься в достаточной мере всеми языковыми средствами и формировать все речевые умения“ (s. 45). Túto požiadavku komplexnosti autori monografie považujú za veľmi dôležitú, „хотя иногда в чешской школьной среде можно встретиться с сомнениями о необходимости владения русской письменной речью, тщательной обработки фонетических средств вообще или некоторых грамматических средств и т. д.“ (ibid., s. 45). Ako významné pozitívum chápeme uvedenie všeobecných odporúčaní (v siedmych bodoch na s. 45), ako postupovať pri nácviku rečových zručností vo vyučovacom procese, pričom na tomto mieste autori nezabúdajú ani na vplyv interferencie (bod (e)) a konštatujú, že „в контексте обучения близкородственному языку, т. е. также русскому языку чехами, это требование имеет ещё более важное значение“ (ibid., s. 45).

Spracovanie kľúčových kapitol 6, 7, 8 a 9 – predstavujú hlavne pre začínajúceho učiteľa ruského jazyka (nielen) v českom jazykovom prostredí akéhosi nepostrádateľného „sprievodcu“ základnými informáciami – berúc do úvahy autorský zámer a rozsah monografie, považujeme za excelentné. V kapitolách venovaných vyučovaniu lexiky, fonetiky a gramatiky osobitne oceňujeme zaradenie podkapitol venovaných typológii a klasifikácii cvičení (lexika,

s. 64 – 65, fonetika, s. 84, gramatika, s. 96 – 97). Autori nezabúdajú ani na grafiku a ortografiu ruského jazyka a v príslušných podkapitolách (9.3.3 a 9.4.2) rovnako uvádzajú základné typy cvičení. Víťame zakomponovanie podkapitoly 8.4.2 (*Дрилл и перевод – два вопроса в дидактике грамматики*) a plne sa stotožňujeme s názorom L. Rozboudovej a J. Konečného (napriek negatívnej mienke mnohých učiteľov) o vhodnosti a efektívnosti využívania tzv. drilových cvičení pri prvotnom upevňovaní gramatického učiva, čo autori komentujú a odôvodňujú nasledovne: „[...] учащиеся при помощи многократного повторения автоматизируют конкретную форму, благодаря чему формируется соответствующий грамматический навык“, pričom uzatvárajú, že „при дальнейшей работе необходимо использовать другие виды упражнений, переходя от языковой компетенции к речевой и, безусловно, коммуникативной“ (s. 97).

Na záver konštatujeme, že pri spracovaní recenzovanej monografie sa autori opierajú o adekvátnu metodológiu, prácu optimálne kompozične usporiadali, a tak prinášajú odbornej verejnosti prehľadnú a prístupnú publikáciu. Jej aktuálne a moderné spracovanie predstavuje vynikajúci autorský počin L. Rozboudovej a J. Konečného. Týmto titulom obohatili knižný trh o pomerne úzku paletu pôvodných monografických prác zameraných

na problematiku a osobitne metodicu vyučovania ruského jazyka. Publikácia si aktuálne – od svojho vydania koncom minulého kalendárneho roka – určite našla svojich adresátov, prvých čitateľov, a to tak z radov lingvistov, ako aj metodikov (nielen) vyučovania ruského jazyka. Táto hodnotná a odborne erudovaná práca je veľmi pôsobivá a svojím obsahom i detailnosťou spracovania si nachádza svoje miesto a zasluhuje si náležitú pozornosť popri iných publikáciách zameraných na problematiku metodiky vyučovania cudzích jazykov s akcentom na ruský jazyk.

Predpokladáme, že koncom tohto kalendárneho roka nás a celú odbornú verejnosť autori obohatia avizovaným druhým titulom z pripravovanej série troch monografických prác.

Ján Gallo

Literatúra

- ROZBOUDOVÁ, L. – KONEČNÝ, J.: Choosing a textbook set as one of the problems of the contemporary Russian didactics. *XLinguae* [online]. 10(1), s. 70 – 86 [дата обращения 2018-07-31]. DOI: 10.18355/XL.2017.10.01.08. Режим доступа: http://xlinguae.eu/2017_10_01_08.html.
- ЩУКИН, А. Н.: Методика преподавания русского языка как иностранного. Москва: Высшая школа 2010. 334 с. ISBN 5-06-004545-5.

AUTORI ČÍSLA

doc. PaedDr. Ján Gallo, PhD.

Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
jgallo@ukf.sk

prof. PaedDr. Zuzana Kováčová, PhD.

Katedra slovenského jazyka a literatúry Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
zkovacova@ukf.sk

Олена Кумеда, кандидат філологічних наук, доцент

Кафедра української мови Сумського державного педагогічного університету імені А. С. Макаренка (Україна)

Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
okumeda@ukf.sk

Матюшенко Екатерина Евгеньевна, кандидат філологічних наук

Кафедра русского языка как иностранного Волгоградского государственного социально-педагогического университета в Волгограде (РФ)

Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
ematiushenko@ukf.sk

Ольга Рудь, кандидат філологічних наук, доцент

Кафедра української мови і літератури Сумського державного педагогічного університету імені А. С. Макаренка (Україна)

olgarud2017@ukr.net

SLAVICA NITRIENSIA
časopis pre výskum slovanských filológií

Ročník 8, 2019, 1

Toto číslo vyšlo v júni 2019

Vydavateľ: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre
Tr. A. Hlinku 1, 949 74 Nitra
IČO: 00157716

Návrh obálky: PhDr. Ľuboslav Horvát
Sadzba: Mgr. Peter Horváth

Rozsah: 74 strán

Adresa redakcie:
Katedra rusistiky FF UKF, Štefánikova 67, 949 74 Nitra
krusistiky@ukf.sk
www.krus.ff.ukf.sk

Evidenčné číslo Ministerstva kultúry SR: EV 4625/12

ISSN 1338-7464